

Игорь КОВАЛЕВСКИЙ

БЫЛЬ О ПРАВАХ

Дело «ЮКОСа». Том 1

ПРОЦЕСС НАД МИХАИЛОМ ХОДОРКОВСКИМ,
ПЛАТОНОМ ЛЕБЕДЕВЫМ И АНДРЕЕМ КРАЙНОВЫМ.

МОСКВА. МЕЩАНСКИЙ СУД.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: МАЙ—НОЯБРЬ 2004 ГОДА

Эта книга — судебный репортаж. В ее основе — наблюдения журналистов и юристов, участников самого громкого процесса начала XXI века в России.

Это — хроники нравов второго срока правления Владимира Путина.

Это — учебное пособие. Вернее, остается надеяться, что когда-нибудь книга все-таки будет рекомендована в рамках спецкурса по правам человека. Из нее также можно сделать задачник для будущих судей и адвокатов: «Найди нарушения Конституции и Уголовно-процессуального кодекса, допущенные в ходе процесса».

Так будет. Потому что в другое верить не хочется.

Пока же — просто прочтите. Полезно.

КРАТКАЯ ХРОНИКА

20 июня 2003 года — возбуждение дела в отношении НК «ЮКОС» по налоговым недоимкам.

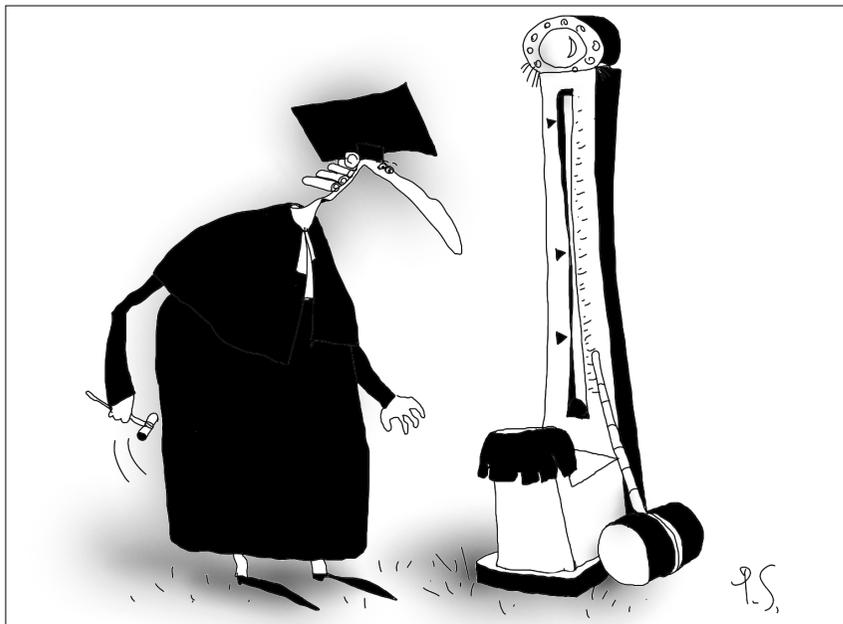
2 июля 2003 года — арест Платона Лебедева.

19 июля 2003 года — арест Алексея Пичугина по подозрению в причастности к заказным убийствам и покушении на убийство.

25 октября 2003 года — арест Михаила Ходорковского.

29 октября 2003 года — выдвижение первых налоговых претензий к НК «ЮКОС».

15 июля 2004 года — начало основного процесса по делу Михаила Ходорковского, Платона Лебедева и Андрея Крайнова. (Государственный обвинитель — Дмитрий Шохин, председательствующий в суде — федеральный судья Ирина Колесникова.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

2 ноября 2004 года в Мещанском суде прокурор Дмитрий Шохин торжественно объявил об окончании представления документов стороной обвинения.

Зачем Генеральной прокуратуре понадобилось накануне просить суд о продлении срока содержания подсудимых под стражей? Всего лишь для того, чтобы обеспечить стороне обвинения возможность доказывать несуществующее. Другого предположения нет, ибо первый же вопрос, возникший у защиты после того, как Шохин закончил говорить, был недоуменно-риторическим: «И это — все?».

А где же обещанные горы доказательств, которые должны убедить общество и суд в том, что Ходорковский и Лебедев находятся на скамье подсудимых не по ошибке или чьему-либо произволу? В уголовном деле почти четыреста томов. На первый взгляд это гора документов, которыми можно раздавить любого, но эта гора в итоге родила мышь.

Колонна свидетелей обвинения состояла из восьмидесяти двух человек. Никто из них четко и ясно не заявил: «Мне известно о преступной деятельности Ходорковского и Лебедева», и настоящим свидетелем обвинения (в полном смысле этого слова) не стал.

Подавляющее большинство из этих людей подверглось процедуре изобличения, отдаленно напоминавшей инквизицию. Прокурор Шохин ловил собственных свидетелей на противоречиях в показаниях на предварительном следствии и в зале суда. Опровергая, фраза за фразой, тех, кто, по идее, должен был поддержать обвинение, Генеральная прокуратура доказала, что вывод о виновности подсудимых сделан на основе противоречивых и недостоверных данных.

После рекогносцировок в лагере обвинения слово взяла защита. Первое, с чего мы начали, было ходатайство о прекращении уголовного дела в части, касающейся приобретения акций ОАО «Апатит». Мы заявили, что если прокуратура представила *все* собранные доказательства, то следует прекратить само разбирательство по этому основному эпизоду уголовного дела. Причина проста: законный срок привлечения к какой-либо ответственности уже истек.

В ответ мы услышали нечто неожиданное:

— Этот вопрос ставить преждевременно, потому что в суде еще будут исследоваться доказательства, — заявил прокурор.

Чьи доказательства? Защиты? Но адвокаты не станут обосновывать вину своих клиентов. А если все же стороны обвинения, то принцип презумпции невиновности и состязательность процесса диктуют свою последовательность предъявления доказательств суду. Обвинение должно предъявить *все* собранные по делу доказательства, раскрыть карты, а затем предоставить подсудимым возможность защищаться.

Прокурор Дмитрий Шохин не счел нужным комментировать свою реплику. Поэтому защита приступила к работе сродни ассенизаторской. Мы

намерены шаг за шагом проверить все доказательства, предъявленные прокуратурой, и продемонстрировать суду пороки этих «доказательств».

Процесс над Ходорковским, без преувеличения, стал чертой, которая разделяет две совершенно разные страны: Россию, ищущую свой путь к демократии, и Россию, уверенно стремящуюся в стан неправовых государств. Какие бы скрытые причины ни приводились в качестве объяснения преследования Михаила Ходорковского и компании «ЮКОС», все они лежат в неправовой области. Неважно, затеяла ли власть этот процесс ради того, чтобы отнять собственность, или кто-то испугался роста влияния бизнесмена. Теперь очевидно, что дело Ходорковского носит политический характер.

В современной истории России есть и другие примеры политических преследований. Но процесс Ходорковского и Лебедева выделяется масштабом и значимостью: судят самого известного и успешного бизнесмена страны. Таким образом, безотносительно намерений власти, суд над Ходорковским является показательным. И этот процесс уже подтвердил, что Россия — это страна, которая по-прежнему живет по праву силы, а не по закону.

Обвинения, предъявленные Ходорковскому, лежат вне сферы уголовного права и должны рассматриваться в контексте гражданско-правовых отношений. Но суть налоговых и имущественных претензий, выдвинутых Генеральной прокуратурой, никого не интересует. Обвинения являются лишь инструментом давления на Ходорковского, его партнеров и бизнес. А потому вместо гражданского судопроизводства мы видим аресты, обыски, наручники и весь остальной «джентльменский набор».

Содержание под стражей Ходорковского — акт не только противозаконный, но и бессмысленный с позиции правосудия. Процессуальный закон однозначно требует от прокурора предоставления суду доказательств того, что к подозреваемому невозможно применить иную меру пресечения, кроме содержания под стражей. Таких доказательств предоставлено не было. Более того, содержание Ходорковского под стражей затрудняло ознакомление обвиняемого с делом и затягивало процесс.

Единственное объяснение нахождения Ходорковского в СИЗО — это стремление прокуратуры морально сломить Михаила Борисовича и затруднить ему подготовку к процессу. Ведь невозможно проводить дополнительные исследования и экспертизы материалов дела, зная, что любая задержка еще больше подрывает здоровье своего партнера и друга, страдающего в камере следственного изолятора без медицинской помощи. Ни для кого не было тайной, что Платон Лебедев, арестованный за пять месяцев до Ходорковского, опасно болен.

Перечень нарушений прав Ходорковского в ходе следствия и судебного процесса можно продолжать достаточно долго. В предисловии к этому изданию хочу отметить лишь одну важную деталь, выпукло проявившуюся в ходе судебного разбирательства: ярко выраженный репрессивный характер российского правосудия. Судьи даже не пытались сохранить видимость собственной независимости. Они открыто выступали на стороне обвинения. К примеру, судья Колесникова вынесла решение о продлении срока содержания обвиняемых под стражей, не дождавшись соответствующего ходатайства государственного обвинителя.

Нагляднее всего принципы «басманного правосудия» иллюстрирует соотношение удовлетворенных и отклоненных ходатайств обвинения и защиты. Так, большинство ходатайств защиты, обоснованных и подкрепленных нормами права, суд оставлял без удовлетворения, не мотивируя, не

объясняя свои решения. В то же время просьбы прокурора не отклонялись, даже если не были подкреплены правовыми аргументами.

Готовность судей служить помощниками обвинения лишает легитимности выносимые ими приговоры и выхолащивает понятие независимой судебной власти. Формально судопроизводство еще сохраняет атрибуты объективности, как это и предусматривалось концепцией судебной реформы: слово дают и защите, и обвинению, но о подлинном равенстве сторон в процессе говорить уже нельзя.

Эта тенденция представляет опасность не только для обвиняемых по каким-то конкретным делам, но и для общества в целом. Независимая судебная власть является одним из столпов правового государства, и отказ от нее неизбежно негативно отразится на каждом из нас.

От приговора суда по этому делу зависит многое, может быть, даже путь дальнейшего развития страны. Но мы должны помнить, что, помимо прочего, в Мещанском суде решается и судьба конкретных людей. Очень важно не допустить, чтобы жизнь и здоровье Ходорковского и Лебедева стали разменными монетами в чьих-то политических играх.

Каринна МОСКАЛЕНКО, адвокат Михаила ХОДОРКОВСКОГО

МАЙ

Слияние двух дел, или Охота за мобильными телефонами

28 мая 2004 года в Мещанском суде Москвы началось предварительное слушание по делу Михаила Ходорковского. Подсудимого молниеносно провели в здание. Чтобы никто не сфотографировал, его закрыли собой и щитами спецназовцы. Родители обвиняемого, журналисты и сочувствующие остались ждать снаружи: по закону предварительные слушания, которые должны определить дату начала основного процесса, проходят в закрытом режиме.

Заседание началось с того, что гражданский истец — Министерство по налогам и сборам — попросил суд все отложить. Оказалось, что представителям фискальной службы не хватило времени, чтобы изучить материалы дела. (Получается, предъявили иск, даже не прочитав документы.)

Напомним, что ранее Басманный суд ограничил Михаилу Ходорковскому срок ознакомления с материалами уголовного дела из-за того, что он якобы «умышленно затягивал процесс». Теперь выяснилось, что подобная формулировка более подходит к представителям государства. Адвокат бывшего главы «ЮКОСа» Генрих Падва заявил в этой связи: «То, что происходит, похоже на цирк».

Происходившее и в самом деле выглядело странно. Судья Ирина Колесникова обнаружила, что в обвинительном заключении (851 лист, три тома) не хватает одной страницы. Адвокаты не увидели в том существенного нарушения прав подзащитного, так как обвинительное заключение было вручено Михаилу Ходорковскому вовремя, он прочитал его, в том числе и «потерянный» листок. Однако суд счел, что обвинение должно быть вручено в полном объеме, чтобы не допустить «грубого нарушения прав обвиняемого». Прокурор привез новую копию. На этот раз в ней не хватало трех листов.

Представителю прокуратуры пришлось поехать за обвинительным заключением в третий раз, а судья объявила часовой перерыв. «Пока нашему подзащитному не будет вручена полная копия, суд не сможет назначить дату, на которую будут перенесены предварительные слушания по делу Ходорковского», — сказал адвокат Генрих Падва.

Третья попытка вручить обвинительное заключение увенчалась успехом. Тем временем в коридорах суда не скучали. Приставы обыскивали входящих в здание людей, причем особенно интересовались мобильными телефонами с фотокамерами. Тех, у кого находили чудо техники, в здание не пропускали, демонстрируя соответствующий документ за подписью председателя Мещанского суда Александра Лукашенко.

Предварительные слушания по делу Ходорковского продолжились **8 июня**: суд согласился с ходатайством Министерства по налогам и сборам о дополнительном времени для ознакомления с материалами дела. «Создается впечатление, что это делается потому, что пришли к выводу о необходимости отложить на некоторое время судебное заседание по причинам, которые нам неизвестны», — отметил адвокат Падва.

В тот же день в Мещанском суде состоялось заседание по делу Платона Лебедева. Гражданам, входящим в здание суда, приставы сообщали, что «заседание закрытое», поэтому «вам там делать нечего», а у журналистов спрашивали, есть ли у них «аккредитация». На вопросы, почему заседание оказалось закрытым и зачем в таком случае аккредитация, приставы ответить затруднялись и, подумав, пропускали внутрь. Опять не повезло тем, у кого мобильные телефоны снабжены фотокамерами.

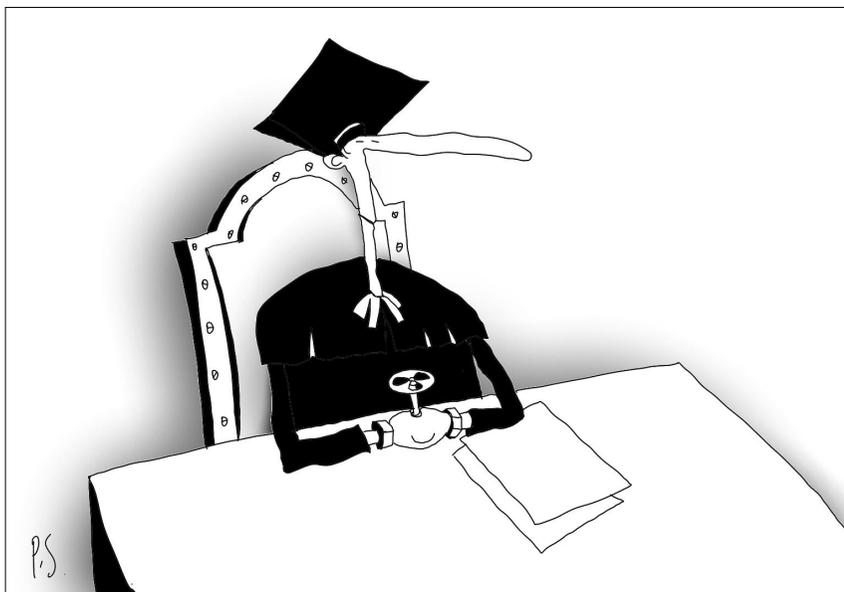
Главной интригой дня стало соединение дел Ходорковского и Лебедева. Как сообщил журналистам адвокат Генрих Падва, сразу после начала заседания защита подала ходатайство об объединении уголовных дел. Во-первых, потому, что Ходорковский и Лебедев обвиняются по одним и тем же статьям Уголовного кодекса (ведь они, по мнению Генпрокуратуры, — «организованная преступная группа»); во-вторых, им вменяются одни и те же эпизоды; и, в-третьих, потому, что это слияние законно и обоснованно. Адвокат добавил, что «для полноты защиты адвокатам Ходорковского необходимо знать, что происходит в процессе Лебедева, а защитникам Лебедева — знать, что происходит в нашем процессе».

«Было бы странно, если бы в соседние залы вызывали одних и тех же свидетелей, обозревали одни и те же документы, рассматривали одни и те же эпизоды, — отметил адвокат Юрий Шмидт. — Надеюсь, что победит здравый смысл и дела объединят».

В перерыве адвокаты вышли и удивленно сообщили журналистам, что их ходатайство удовлетворено — дела слиты. Наверное, потому, что просьбу адвокатов неожиданно поддержала Генпрокуратура РФ.

Судья Ирина Колесникова объявила, что, поскольку дела теперь слились, обоим подсудимым предстоит ознакомиться с делами друг друга. Михаил Ходорковский согласился и тут же получил текст обвинительного заключения Платона Лебедева. Во второй половине дня выяснилось, что Платон Лебедев отказался читать дело бывшего главы «ЮКОСа»: эту задачу взяли на себя адвокаты.

По признанию защитников, судья старалась быть корректной. Впрочем, адвокаты заметили, что время для процесса выбрано так, что заседания хоть и будут, скорее всего, открытыми, но пройдут по большей части в период отпусков, когда и без того вялый интерес населения к политике сходит почти на нет. Тем не менее в Мещанском суде приводят в порядок большой зал на третьем этаже, куда смогли бы поместиться все желающие увидеть финал. Вероятно, ремонт закончат как раз к последнему акту.

ИЮНЬ

Глава, повествующая о том, как в Мещанском суде строили журналистов

16 июня 2004 года коллегия из трех профессиональных судей приступила к рассмотрению дела Михаила Ходорковского, Платона Лебедева и Андрея Крайнова (бывшего гендиректора АО «Волна», через которое как будто похищались акции ОАО «Апатит»).

В Мещанском суде — первое заседание, на котором дело Ходорковского и Лебедева начали рассматривать по существу. Собралась добрая сотня журналистов, многие — в здании суда, еще больше — снаружи. Приставы заявили журналистам, что вход ограничен. Объяснили это так: пришли иностранные адвокаты, но без ордера. Их пустят в качестве наблюдателей, и они займут места журналистов. Позднее выяснилось, что суду подали ходатайство о присутствии телекамер. Все участники процесса с этим согласились, только прокурор был против, сказал, что это будет отвлекать... И судьи встали на его сторону.

Впрочем, чтобы журналисты не очень расстраивались, им было сказано, что осталось восемь мест, и предложено выбрать меж себя достойнейших. Таковыми, разумеется, оказались все, и снова началась давка. Омоновцы держались крепко, но после очередной волны их главный выдал: «Если не прекратится, мы применим силу!». Применять не пришлось. Журналисты поделили места и составили список.

Журналисты НТВ предложили спасительный ход — установить в зале камеру, а в коридоре — большой монитор. Составили петицию на двух листах, которую подписали человек 50 наших и иностранных представителей СМИ. Понесли бумагу председателю Мещанского суда Александру Лукашенко. Тот сделал удивленные глаза: мол, к залу отношения не имеет, и посоветовал обратиться к председательствующему судье Ирине Колесниковой, причем не сейчас, а в приемные дни. В общем, затея с монитором провалилась.

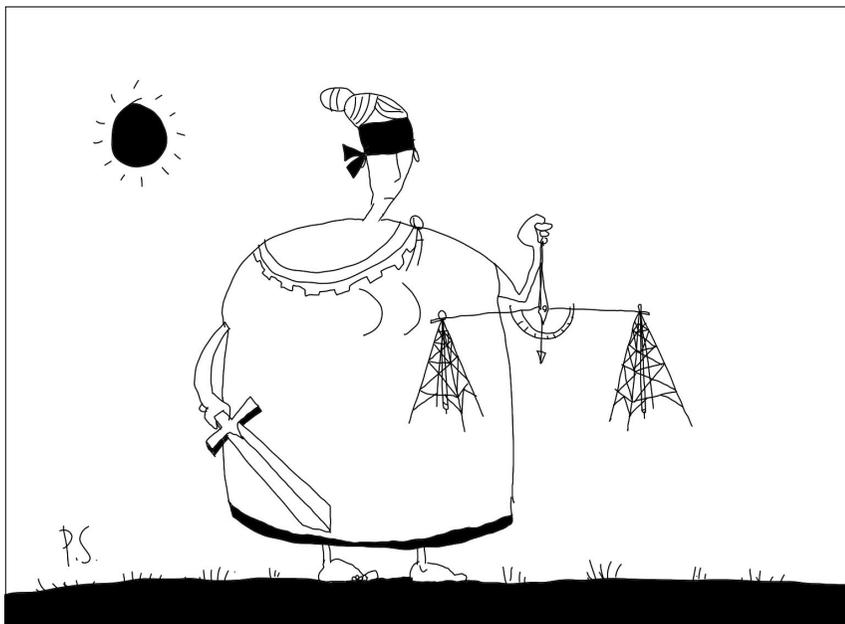
Корпоративная солидарность взяла верх. Журналистам пришлось выстраиваться в очередь — входить в зал на время и по трое: один от телевидения, один от радио и один от газеты...

Адвокаты Юрий Шмидт, Елена Липцер и Евгений Бару вышли к прессе и рассказали о том, что в ответ на ходатайство, которое было мотивировано состоянием здоровья Платона Лебедева и ссылками на Европейскую конвенцию о правах человека, всех удивил прокурор. Он, выдержав мхатовскую паузу, порекомендовал адвокатам не использовать в своих выступлениях слова и выражения, компрометирующие Родину. Очевидно, имел в виду цитаты из международного правового документа.

Адвокаты выразили возмущение поведением государственного обвинителя, который заявил, что нельзя ставить под сомнение решение суда о мере пресечения, тем более что оно утверждено Мосгорсудом.

Комментарий юриста

Елена ЛИПЦЕР, адвокат: «В случае заявления ходатайства об освобождении или изменении меры пресечения суд должен дать оценку всем доводам заявленного ходатайства и не может быть связан ранее вынесенным решением».

ИЮЛЬ

О том, как прокурор Дмитрий Шохин учил Родину любить, или Приключения Гиппократ в Мещанском суде

12 июля 2004 года в Мещанском суде продолжились заседания по делу Платона Лебедева и Михаила Ходорковского. Подсудимые через решетку обсуждали что-то со своими защитниками. Охранники, которых, пожалуй, было многовато для двух людей в клетке, зорко следили, чтобы адвокаты не передали руководителям «ЮКОСа» что-нибудь запрещенное. Главный охранник молниеносно среагировал даже на синюю тетрадку в руках Ходорковского: отнял ее, но, полистав, вернул.

Судья Ирина Колесникова сообщила, что в суд поступило несколько документов. Первыми шли справки из СИЗО о состоянии здоровья юковцев. Изучив бумагу, адвокат Лебедева Евгений Бару заметил странность: врачи из медчасти «Лефортово» написали, что его подзащитный совершенно здоров, даже не осматривая его. К тому же на представленной СИЗО ФСБ справке не стояла дата. Как заявил адвокат, было бы неверным рассматривать этот документ всерьез, поскольку справка «не соответствует требованиям, предъявляемым к документам». Защитники Ходорковского с ним согласились, но гособвинитель справку вполне одобрил — и бумагу приобщили к материалам дела.

Дальше рассматривали обращения от средств массовой информации. Их мнение в своей телеграмме выразил председатель Фонда защиты гласности Алексей Симонов: раз уж «процесс Ходорковского и Лебедева привлекает внимание общественности», то просим суд изыскать возможность, чтобы в зале судебных заседаний журналисты установили микрофоны — так происходящее внутри будет слышно снаружи. Поступило предложение организовать прямую трансляцию заседания в другой зал или в коридор суда, где газетчиков и телевизионщиков пруд пруди. Журналисты предложили взять на себя все расходы. «Максимальная гласность в интересах не только СМИ, но и всего общества», — поддержал инициативу адвокат Генрих Падва.

Гражданские истцы против технического прогресса не возражали, но напомнили, что «принятие мер по трансляции не должно отвлекать участников процесса». А вот прокурор Шохин решительно восстал, сообщив, что подобные проявления гласности «противоречат уголовно-процессуальному закону».

Посовещавшись, судьи решили, что «для трансляции нет технической возможности», а воспользоваться помощью журналистов Мещанский суд не вправе, так как «финансирование судов, согласно закону, производится только из федерального бюджета». И вообще идея эта плохая, так как «не соответствует УПК».

Возмутился адвокат Евгений Бару, заявивший, что «Мещанский суд отказался освободить из-под стражи Платона Лебедева, и защите пришлось изыскивать дополнительные доказательства несоответствия его содержания под стражей. В деле много материалов, свидетельствующих о наличии у Лебедева хронических заболеваний. Известно, что в Басманный суд Лебедева сопровождал врач из санчасти СИЗО, а однажды пришлось даже вызвать туда «скорую»».

«Суд удовлетворил ходатайство, основываясь на медицинских документах четырехмесячной давности, — продолжил Бару. — Консилиум врачей, собравшийся в марте, указал на необходимость диеты и медикаментозного лечения. Администрация СИЗО эти рекомендации проигнорировала. Адвокаты при посещениях отмечают его истощенность, он говорит об одышке и о боли в правом боку. В весенне-летний период в СИЗО действуют ограничения на передаваемые заключенным продукты, поэтому единственный доступный Лебедеву диетический продукт — самодельная простокваша». В заключение Бару заявил, что расценивает действия властей как оставление в опасности.

Сторона защиты представила суду медицинское заключение о состоянии здоровья Лебедева, составленное в июне 2004 года Джоном О'Грэйди, известным британским специалистом по болезням печени. Английский медик, в частности, указал на необходимость полного обследования в специализированном медицинском учреждении и отметил, что заболевание может иметь серьезные последствия — например, развитие рака печени.

Ссылаясь на этот документ, Евгений Бару попросил освободить Лебедева, изменив меру пресечения на любую, кроме содержания под стражей, а также отложить судебное заседание до получения результатов независимого медобследования.

Михаил Ходорковский, поддержав адвокатов, пообещал «найти в России приемлемых для суда и гражданского истца гарантов» для того, чтобы Лебедева все же освободили. «Мы — цивилизованная страна, из-за денег лишают людей здоровья и жизни только преступники, а общество

и государство, которые представляет суд, ставят жизнь выше денег», — сказал Ходорковский.

Представители МНС (гражданский истец) к нему не прислушались, заявив, что освободить Лебедева никак нельзя, поскольку медицинское заключение британского врача «составлено только по документам, без осмотра», а представленные защитой материалы «не подтверждают его квалификацию». К тому же «суд не решает вопросы о назначении лечения, этим занимаются врачи СИЗО, а им можно верить».

Прокурор Шохин произнес полчасовую речь, возражая «против приобщения бумаг, якобы содержащих медицинские документы о здоровье Лебедева, поскольку есть все основания сомневаться в их достоверности». Суть ее была такова: «Специалисты медчасти СИЗО, обладающие достаточными познаниями в области медицины, давали клятву Гиппократа, в связи с чем даже не приходится сомневаться в том, что в случае необходимости проведения медицинского обследования Лебедева они способны провести его на должном уровне».

Далее гособвинитель заявил, что «Лебедев может скрыться от следствия и суда, воспрепятствовать производству по делу, оказать влияние на свидетелей. О правильности этих выводов свидетельствует то, что лица, подозреваемые в совершении аналогичных преступлений, от органов скрылись. Лебедев имеет международные связи...».

Платон Лебедев, с трудом встав и держась за решетку, дал резкую отповедь гособвинителю. Судьи задумались и объявили перерыв. Он длился более часа: потом выяснилось, что судьи совместили обсуждение с обедом. Вернувшись после приема пищи, отказались выпустить Лебедева.

Адвокаты на этом не успокоились — заявили новое ходатайство: их клиенты содержатся в СИЗО незаконно, потому что мера пресечения в виде содержания под стражей им до сих пор не назначена в результате открытого судебного разбирательства с участием сторон, как этого требуют УПК, Конституция России и европейские правовые акты.

Ссылки на Европейскую конвенцию о правах человека не произвели большого впечатления на суд. Когда Лебедев просил признать, что его права, предусмотренные международным правом, нарушаются, судья Колесникова уточнила: «Кем нарушаются?». Лебедев, явно озадаченный, ответил: «Государством и его должностными лицами <...>. Прокурор никогда не предъявлял доказательств необходимости моего ареста — он только зачитывает статью УПК, которая предусматривает условия содержания под стражей. Поэтому я прошу суд истребовать у прокурора эти доказательства и изучить их прямо сейчас».

Далее Лебедев рассказал о медобслуживании в СИЗО «Лефортово». Оказалось, что после его многочисленных жалоб началось обследование, а не лечение, и результатами этого обследования пользовались все, в том числе английский врач Джон О'Грэйди.

«Консилиум 2 марта 2004 года не проверг наличие у меня заболевания, — сказал Лебедев. — На самом деле меня никто не лечил, так что слова гособвинителя о клятве Гиппократа пусты. Вообще с 21 февраля все мое лечение ограничивалось таблетками папазола. Прокурор и истец, говоря о медсправке из СИЗО, очевидно, имеют в виду, что к ней приложены копии дипломов, подтверждающих квалификацию врачей, в то же время документ известного иностранного специалиста игнорируется. Но специалист, приглашенный прокуратурой для проведения консилиума, основывался на тех же данных, что и английский врач».

Михаил Ходорковский согласился: «Прокуратура не смогла представить доказательства необходимости ареста ни разу. Как же можно после этого называть арест «исключительной мерой»? Удивляет позиция гражданского истца. Гаранты нашлись, если бы захотел истец. Странная позиция... Она выпукло показывает сущность процесса».

Адвокат Ходорковского Каринна Москаленко дополнила рассказ Лебедева: «Европейский суд по правам человека принял решение о рассмотрении жалобы Лебедева в приоритетном порядке. В Страсбурге находится много дел о нарушении Россией права на жизнь... Это происходит потому, что клятва Гиппократа не спасает людей в российских СИЗО».

Обстановка в зале накалилась. Прокурор Шохин, еле сдерживаясь, заявил: «Защита позволяет себе аргументацию, умаляющую авторитет судебной власти в Российской Федерации. Достойна небывалого удивления позиция защиты, что вступившее в законную силу решение суда защита позволяет себе именовать «незаконным»! Защита предлагает суду первой инстанции признать незаконным решение суда кассационной инстанции. Порадовала искренность Михаила Ходорковского, который происходящее назвал «занятием ерундой». Решение вступило в силу, да и без того установленные судом обстоятельства не оставляют никаких сомнений в их подлинности. Суду были переданы достаточные и достоверные доказательства... Это очевидно любому профессиональному юристу!».

Лебедев возразил: «Сожалею, что здесь отсутствует состав Пленумов Верховного суда и Конституционного суда, так как у прокурора была бы возможность разъяснить им правильное толкование законов... Вынужден напомнить также, что в Европейской конвенции есть норма, которая называется: «Запрещение лишения свободы за долги...». В довершение Лебедев предложил дать прокурору Шохину копию постановления Конституционного суда, запретившего рассматривать вопрос об оставлении под стражей в отсутствие обвиняемого и его адвокатов. Но все эти аргументы на суд и прокурора никакого воздействия не возымели.

Утром **13 июля** журналистов в суде было немного. Неожиданностей не предвиделось. Судья зачитала ответ на вчерашнее ходатайство защитников Лебедева: все происходящее никоим образом не нарушает ни Европейской конвенции о правах человека, ни российской Конституции, ни УПК... Чего и следовало ожидать в процессе, где прокурор — истина в последней инстанции.

Комментарий юриста

Елена ЛИПЦЕР, адвокат: *«Проблема заключалась в том, что суд вновь привел голословные основания для дальнейшего содержания под стражей Лебедева, однако никак не оценил ссылки защиты на определение Конституционного суда, постановление Пленума ВС РФ и прецеденты Европейского суда по правам человека. Суд просто проигнорировал доводы защиты и никак их не опроверг».*

14 июля в Мещанском суде выяснилось, что накануне врачи «Лефортова» решили осмотреть тяжелобольного Платона Лебедева, чего с ними не случилось четыре месяца. Не смогли: он отказался выйти из камеры. Но медперсонал не сдался: «при динамическом осмотре», что в условиях тюрьмы, очевидно, предполагает подглядывание в глазок, Лебедев показался медикам СИЗО «веселым и подвижным», о чем они и сообще-

ли суду. Люди в зале засмеялись. Судья, строго оглядев присутствующих, сообщила, что беспорядка не потерпит, и постановила: документ из СИЗО считать серьезным и приобщить его к делу.

Адвокат Константин Ривкин произнес аргументированную и умную речь, призвав прокурора наконец предъявить обещанные доказательства того, что при первом удобном случае Лебедев уедет за границу. Евгений Бару прибавил: «Прокурор говорит о наличии у Лебедева международных связей. Нормальный человек должен ими гордиться!».

Прокурор в ответ обрушился на адвоката Ривкина в духе: «Любому профессиональному юристу должно быть известно...». «Достойны небывалого удивления, — провозгласил Дмитрий Шохин, — слова защиты о том, что на суд можно повлиять или навязать ему мнение!»

В зале улыбались, смеяться открыто уже опасались. Напоследок го-собвинитель клятвенно заверил судью Ирину Колесникову, что доказательства у него, разумеется, есть, но он их до времени никому не покажет. Судья поверила на слово, постановив, что Лебедев останется за решеткой.

Адвокат Евгений Бару вновь попытался привлечь внимание к здоровью Лебедева и предложил суду выяснить квалификацию и стаж медперсонала «Лефортова», раз уж Мещанский суд усомнился в способностях английского доктора Джона О'Грэйди, и создать условия для осмотра Лебедева экспертами из международной неправительственной организации «Врачи без границ». Судья Колесникова приняла решение обойтись без иностранной помощи. Вечером прокурор приступил к оглашению обвинения Андрею Крайнову. В зале слышны были только убавкивающе-монотонное чтение Шохина да скрип карандашей: допущенный в суд рисовальщик из НТВ делал набросок. Соседи по скамейке с любопытством следили за художником, а остальные, которым повезло меньше, изо всех сил пытались не уснуть.

15 июля Дмитрий Шохин огласил список претензий Генпрокуратуры к Ходорковскому и Лебедеву. Им вменяется в вину одиннадцать эпизодов по семи статьям Уголовного кодекса: «Мошенничество, совершенное в составе организованной группы в крупном размере»; «Злостное неисполнение вступившего в силу решения суда»; «Причинение имущественного ущерба собственникам путем обмана при отсутствии признаков хищения»; уклонение от уплаты налогов в качестве главы организации и физического лица», а также «Подделка официальных документов и растрата (присвоение) чужого имущества». Ходорковский, по уверению прокурора, организовал и руководил деятельностью «преступной группировки», направленной на обманное завладение в 1994 году акциями предприятий ОАО «Апатит» и АО «НИИ УИФ». Еще «ЮКОС» под руководством Ходорковского и Лебедева в 1999—2000 годах якобы уклонился от уплаты налогов на сумму около 17 миллиардов рублей, а общий ущерб от «преступной деятельности группы Ходорковского» составил более одного миллиарда долларов.

После того как прокурор иссяк, Ходорковский и Крайнов согласились, что обвинения им понятны, но свою вину не признали ни по одному пункту. Лебедев при этом заметил, что в материалах дела «идет речь более чем о тридцати Лебедевых, Лебедах и Платоновых». Например, «в томе 148 на листах дела 75 — 78 указывается Лебедев В.А., а на листе 538 — Лебедев М.Б. Кто они — непонятно», — поделился сомнениями глава «МЕНАТЕПа». Возникла пауза, но после совещания с адвокатами Лебе-

дев понял все. Подсудимые пообещали детально выразить свое отношение к обвинительным заключениям на следующий день.

17 июля Платон Лебедев сообщил, что сфабрикованное против него дело содержит «фальшивки, которые рассыплются в любом компетентном и независимом суде». По словам же Ходорковского, «Апатит» и НИИ УИФ с 1994 года, когда «ЮКОС» «обманным путем завладел акциями», стали прибыльнее в 4—10 раз: они платят зарплату работникам, проводят социальные программы и развивают производство.

Судья обратилась к прокурору с вопросом о порядке, в котором обвинение будет предъявлять доказательства и вызывать свидетелей. Дмитрий Шохин моментально забыл, о чем его спрашивали, и заявил: «Мне хотелось бы верить в невиновность Ходорковского и Лебедева, но — увы! — собранные доказательства не дают в это поверить. О да, они умеют передергивать факты, это видно из их громких заявлений. Тем самым они пытаются оказать влияние на суд и общественное мнение».

Адвокат Юрий Шмидт попытался напомнить прокурору Шохину о том, что обсуждаются технические вопросы, а не произносится финальная речь: «Подсудимые выразили свое отношение, но прокурор позволил себе эмоциональное заявление, чтобы сгладить впечатление на прессу. Мне хотелось бы поверить, что Шохину хотелось бы искренне поверить в невиновность... Но мой опыт говорит об ином».

Судья Колесникова прервала Шмидта, указав, что «реплики сейчас звучать не должны». Шмидт возразил, что прокурор не вправе был давать оценку выступлениям подсудимых, но судья не поверила.

**Михаил ХОДОРКОВСКИЙ:
СИЛА, БЕЗРАЗЛИЧНАЯ К ЗАКОНУ,
СОБЛЮДАЕТ ТОЛЬКО ЕГО ВНЕШНИЕ ОБЯДЫ**
Речь в суде

В последний год в стране активно проводилась дискуссия по вопросу, чем является «дело «ЮКОСа»» и «дело Ходорковского», является ли оно политически мотивированным или это обычное, пускай и большое, уголовное дело. За прошедшее время заинтересованная часть общества сделала свои выводы по этому вопросу. А мнения всех тех, кто не интересуется, и любое обвинение, предъявленное руководителю крупной корпорации или просто обеспеченному человеку, считается по определению заведомо правильным, — мнения этих людей, наверное, нам все равно не изменить.

Поэтому останавливаться на разрешении этих вопросов я не стану, тем более что я не хочу, чтобы кто-то имел возможность сказать, что я пытаюсь прикрыться политическими декларациями от уголовных обвинений. Поэтому сейчас в заявлении я буду говорить только по существу предъявленного мне обвинения.

Я хотел бы обратить внимание уважаемого суда, что, не желая нарушать ход процесса, я не буду сейчас останавливаться на фактических обстоятельствах дела. По этому вопросу я обязательно выскажусь, когда вы мне предоставите такую возможность, в своих показаниях. Сейчас задача, которую я перед собой ставлю, — это высказать свое отношение к самому обвинению, показать его внутреннюю нелогичность.

Меня обвиняют в хищении акций предприятий «Апатит» и научного института УИФ. Я докажу, что это неуклюжая попытка списать на меня те ошибки, которые были допущены в законодательстве о приватизации в начале этого процесса, — я имею в виду процесс приватизации.

Обвинение не утверждает, что я недоплатил государству. Меня обвиняют в попытке отказаться переложить деньги из кармана одного частного предприятия в карман другого частного предприятия. Причем, по утверждению следствия, оба эти частных предприятия мне же и принадлежали. В случае «Апатита» обвинение говорит о 70%, в случае НИИ УИФ обвинение говорит о 84%. То есть меня обвиняют в отказе переложить деньги из одного своего кармана в другой свой же карман, и все эти вот сложные цепочки и сложные построения, о которых целый день вчера говорил государственный обвинитель, служили, по мнению обвинения, одной цели: не переложить деньги из одного своего кармана в другой свой карман. По-моему, это несколько нелогично с житейской точки зрения.

Еще раз хочу подчеркнуть. Сейчас я не говорю о фактических обстоятельствах дела. Они другие. Я сейчас говорю о том, что содержится в прочитанном мною обвинении. Спасибо гласности и интернету, каждый может это прочитать сам. К слову, это не относится к делу, но хотелось бы отметить, что предприятие «Апатит» и предприятие НИИ УИФ относятся к успешным российским предприятиям на сегодняшний день. Которые, в отличие от ситуации начала 90-х годов, платят заработную плату своим рабочим, осуществляют хорошие социальные программы, повышают объемы производства. К слову, все это в материалах обвинения указано. А НИИ УИФ к тому же является одним из немногих успешно действующих на сегодняшний день отраслевых научно-исследовательских центров. Я сам там никогда не был, но, по сведениям, которые ко мне поступают, сегодня там одно из наилучших в России научных учреждений.

Меня, акционера, обвиняют в неправильной торговой политике «Апатита». То есть в том, в чем у акционера полномочий вообще нет. Я хочу подчеркнуть, что я являлся именно акционером и не являлся должностным лицом, членом совета директоров и так далее, что подтверждается в обвинительном заключении. То есть меня обвиняют в нанесении ущерба в основном самому себе как акционеру, которому принадлежит, по мнению обвинения, максимальный пакет. К слову, в обвинении же подтверждается, что вот эта самая «неправильная торговая политика предприятия» привела к тому, что предприятие стало прибыльным по сравнению с тем, что оно было убыточным тогда, когда, по мнению прокуратуры, торговая политика была правильной. Его рыночная оценка, изложенная в обвинении, выросла с тех пор в 4—10 раз. Не в два раза, а в четыре—десять раз за неполных 10 лет.

Я докажу, что с юридической точки зрения эти обвинения столь же беспочвенны, как и с житейской.

Далее. Меня обвиняют в том, что Гусинский взял кредит под обеспечение активов «Медиа-Моста» у «ЮКОСа» и других предприятий, и эти активы куда-то делись. Что это за активы и куда они делись — сегодня благодаря решению Страсбургского суда известно всему миру. Но, если необходимо, я докажу, что обвинять в этом меня по крайней мере смешно.

Далее. Налоговые обвинения. Я докажу их беспочвенность не только с точки зрения закона, который теперь однозначно не позволяет считать преступлением использование льгот — правильное или неправильное, — и, таким образом, не разрешает перекладывать ответственность за ошибки бюрократов на бизнес.

Я докажу абсурдность этих обвинений и с этической точки зрения, так как покажу, что «ЮКОС» платил налогов не меньше, а больше многих других компаний, и легально и в ограниченном объеме использовал предоставляемые законом льготы.

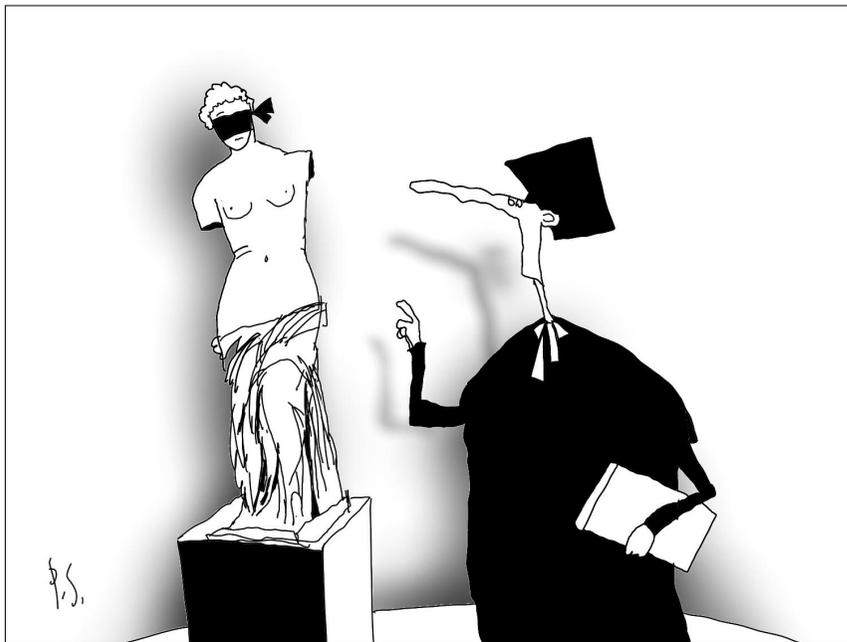
Отвлекаясь, хочу сказать, что действительно, с житейской точки зрения, очень трудно понять, как предприятие, которое являлось и является сначала третьим, а потом вторым налогоплательщиком в России после «Газпрома», которое в год проверяется по вопросам налогов различными инстанциями до 500 раз, отчетность которого не только проверяется международным аудитом, знакомым с аналогичной практикой других российских предприятий, но и чья налоговая отчетность принимается непосредственно в Министерстве по налогам и сборам и зачастую в присутствии лично министра... Как может оказаться, что через 4 года предприятие, которое формировало 5% федерального бюджета, вдруг должно было формировать в два раза больше, больше не только среднеотраслевых показателей, но и «Газпрома». Понять это с обычной, человеческой точки зрения невозможно. И непонятно, почему за это должны отвечать сотрудники и акционеры компании.

Я докажу, что позорное решение Арбитражного суда по делу компании «ЮКОС» противозаконно не только с точки зрения знакомого с ним юридического сообщества.

Я умышленно и твердо отказываюсь признавать законность решения суда, если оно, на мой взгляд, не соответствует закону. Я вообще считаю, что обязанность каждого гражданина, несомненно, исполнять решение суда, но при этом оспаривать его, если гражданин считает это решение незаконным. Решение суда прямо противоречит позиции самого МНС, изложенной в данном гражданском иске, в котором оно требует налоги с несуществующих организаций. Не буду останавливаться на других обвинениях, столь же нелепых и бездоказательных.

Скажу только, что демонстрация силы, безразличной к закону, хотя и соблюдающей его внешне обряды и процедуры, крайне опасна для перспектив развития нашей страны.

17 июля 2004 г., Мещанский суд

Платон ЛЕБЕДЕВ:
СПАСИБО ГЕНПРОКУРАТУРЕ — ОНА ПОВЕДАЛА О НЕИЗВЕСТНЫХ
МНЕ ЭПИЗОДАХ МОЕЙ ЖИЗНИ
Речь в суде

Я признателен за предоставленную мне возможность в порядке ч. 2 ст. 273 УПК РФ выразить свое отношение к изложенному гособвинителем обвинению. Оно адресовано компетентному, беспристрастному и независимому суду.

Ранее, с начала января 2004 года, в жалобе на имя председателя Верховного суда РФ я выразил свое отношение к сфабрикованному делу, цитирую: «Мое убеждение в своей заведомой невинности основано не только на положении части 1 статьи 49 Конституции РФ. Но, с одной стороны, на уверенности в своей правоте, основанной как на правовой культуре и соблюдении законов Российской Федерации, так и на осознанной необходимости защиты своих чести, достоинства и репутации, право на охрану и защиту которых, в том числе государством, предусмотрено статьями 21 и 23 Конституции РФ. С другой стороны — на понимании происходящего, в том числе и на уверенности в незаконности и преступности действий и существовании системы «басманного правосудия Генпрокуратуры», в ее угрозе основным конституционным правам и свободам граждан, являющимся в соответствии со статьей 2 Конституции РФ высшей ценностью».

Поэтому я буду добиваться, пока не исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства, правовой защиты, правосудия в Российской Федерации. Параллельно использую свои права, предоставленные мне ч. 3 ст. 46 Конституции РФ, обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, в частности в Европейский суд по правам человека, Совет Европы, Страсбург».

Чуть позже, в феврале 2004 года, в дополнениях к этой жалобе я добавил, цитирую: «Более того, проанализировав многие материалы сфабрикованного дела и не найдя в нем вообще законных оснований и доказательств обвинения, а также ради приличия видимости законности оснований для содержания под стражей (если не считать некоторые умышленно сфабрикованные «фальшивки», которые из-за абсурдности рассыплются в любом компетентном, независимом и беспристрастном суде), с учетом особенно того обстоятельства, что Генпрокуратура больше времени тратит на выяснение моих «связей» со многими добропорядочными людьми как в России, так и, с беспардонным любопытством, за рубежом, репутация которых признана мировым сообществом, я прихожу к обоснованному выводу, что власти репрессиируют меня (!?) по политическим, или же, на мой взгляд, сочиненным, или кем-то умело организованным причинам».

Изложенное 15 июля сего года гособвинителем обвинение формально мне понятно, но непонятно в более узком, юридическом, правовом смысле этого слова — из-за внутренних, неустранимых, абсурдных противоречий и правовых неопределенностей, содержащихся в обвинении и сфабрикованном деле, очевидного отсутствия компетенции авторов в вопросах экономики, бизнеса и права, из-за наличия огромного количества юридически ничтожных и невежественных выводов и формулировок.

Моя позиция, содержащаяся в многочисленных заявлениях генпрокурору, Генпрокуратуре, — известна. Выводы обвинения не соответствуют действительности, не основаны на Конституции, законах, материалах дела и фактических обстоятельствах. А в ряде случаев основаны на искусственной, сфальсифицированной самим обвинением базе и содержат заведомо ложные и клеветнические выводы и сведения.

Я ношу имя великого древнегреческого философа Платона, труды которого и его коллег по цеху я изучал. Полагаю, что после обыска у меня на даче они на месте. Коллега Платона — другой великий философ — утверждал: «Невежество — это не аргумент». Полагаю, что у нас с защитой будет возможность представить суду совсем иное понимание и выводы, отличные от Генеральной прокуратуры.

Особо хочу высказать свое отношение по двум обстоятельствам.

Первое. Я категорически не приемлю постоянное игнорирование Генпрокуратурой и гособвинителем положения Конституции РФ и решения Конституционного суда РФ по вопросам соответствия и применения норм уголовного судопроизводства Конституции РФ. Считаю своей обязанностью довести до суда свою, гражданина РФ, позицию.

Роль полномочий Конституционного суда и конституционного судопроизводства, установленных ст. 125 Конституции РФ и федеральным конституционным законом «О Конституционном суде РФ» от 21 июля 1994 года № 1-ПКЗ. Статьей 6 этого закона установлена обязательность решений Конституционного суда на всей территории Российской Федерации, для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан (значит, для меня) и объединений. Статьей 79 конституционного закона установлена высшая юридическая сила решений Конституционного суда, включая постановления, заключения и определения, которые являются окончательными, не подлежащими обжалованию и вступают в силу немедленно после их провозглашения. Судебное решение действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами. Статьей 81 конституционного закона установлены последствия неисполнения решений, цитирую: «Неисполнение, ненадлежащее исполнение либо воспрепят-

ствование исполнению решения Конституционного суда РФ влечет ответственность, установленную федеральным законом».

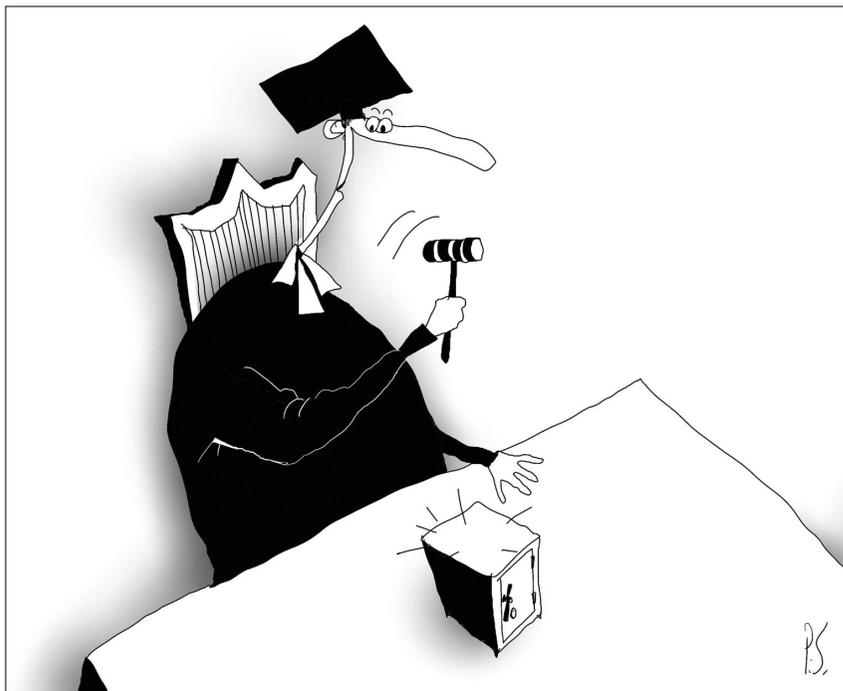
В связи с изложенным гособвинитель и Генпрокуратура обязаны исполнять и применять решения Конституционного суда РФ и пытаться разьяснять в суде, что решения Конституционного суда РФ в отличие от решений Мещанского суда и Мосгорсуда обжалованию не подлежат, являются для них обязательными. Я убежден, что авторитет судебной власти РФ — это правосудие суда при подчинении Конституции РФ и федеральным законам. А международный авторитет судебной власти РФ — это добросовестное выполнение международных обязательств, в том числе конвенции о защите прав и свобод.

Все иное — фарс!

Второе. Я также категорически не приемлю и считаю абсолютно недопустимым явлением попытку Генпрокуратуры дискредитировать в суде должностных лиц Федеральной налоговой службы Министерства финансов РФ — вопреки налоговому законодательству использовать в качестве аргументов обвинения и данные сомнительных внештатных экспертов Генпрокуратуры или, если пользоваться их терминологией, подставных экспертов Генпрокуратуры вместо полагающихся по налоговому законодательству данных актов налоговых проверок, подписанных уполномоченными на то налоговыми служащими, в том числе и инспекцией МНС № 5. Это юридический и фактический абсурд, когда Генпрокуратура, т.е. один государственный орган, априори не доверяет другому государственному органу. Полагаю, что суд не должен обойти вниманием это обстоятельство.

Выражаю признательность Генпрокуратуре за то, что она поведала мне о неизвестных мне самому эпизодах и обстоятельствах моей жизни и деятельности.

17 июля 2004 года, Мещанский суд

20 июля судья Ирина Колесникова объявила, что журналисты телекомпании «НТВ» попросили разрешения задать подсудимым «вопросы, не относящиеся к существу рассматриваемого дела», а служба новостей ВГТРК предложила организовать прямую трансляцию заседания.

Адвокаты традиционно выступили в поддержку этой идеи, а прокурор традиционно повторил мысль о том, что «видеосъемка будет, безусловно, мешать участникам процесса». В итоге суд решил, что «оснований для изменения прежних решений суда по сходным вопросам не имеется». Журналисты могут сколько душе угодно фотографировать, но а) только с разрешения участников процесса и б) только за пределами Мещанского суда. А компания «НТВ» не вправе задавать вопросы Ходорковскому и Лебедеву, поскольку те находятся под стражей. Журналисты, конечно, могут записаться в тюрьме на свидание к руководству «ЮКОСа». Но и тогда, продолжила Ирина Колесникова, у журналистов ничего не получится, поскольку «представители прессы не относятся к числу лиц, имеющих право на посещение граждан, содержащихся под стражей».

Разобравшись с прессой, судья кивнула прокурору. Дмитрий Шохин принялся читать вслух материалы первых десяти томов дела. Лебедев и его защита поинтересовались, почему прокурор не зачитывает документы целиком. Судья объяснила, что все в порядке и что адвокаты также смогут ограничиться выгодными им фрагментами.

Помимо переписки Генпрокуратуры, правительства и антимонопольных органов Дмитрий Шохин предъявил миру любопытный документ — письмо, отправленное в ноябре 2002 года губернаторами Тульской, Смоленской, Тамбовской, Мурманской и Новгородской областей генпрокурору России. Главы регионов просили «обратить внимание» на «Волну», «ЮКОС» и «Апатит». Губернаторы обеспокоены тем, что власти «не разглядели в ОАО «Апатит» монополиста», вследствие чего в сельском хозяйстве страны «в пять раз снижены нормы внесения фосфорных удобрений». Губернаторы также сообщили генпрокурору, что «каждый россиянин платит ОАО «Апатит» по пять долларов ежемесячно» (присутствующие в зале с интересом посмотрели на Ходорковского: где пять долларов?) и что «основной пищей россиян является картофель». Напоследок губернаторы назвали деятельность Крайнова, Лебедева и Ходорковского «угрозой экономической безопасности России», а компанию «Апатит» заклеили «экспериментальным полигоном для обкатки криминальных схем увода прибыли от налогообложения».

Дмитрий Шохин озвучил также аналитическую записку руководства ОАО «Апатит», которое просит власть не вмешиваться в дела предприятия «Апатит», потому что после приобретения части его акций группой «МЕНАТЕП» наконец-то все стало хорошо. Еще — отчеты ОБЭПа о том, что ничего предосудительного при проверке «Апатита» не найдено. И материалы антимонопольных органов, свидетельствующие о том, что приватизация «Апатита» в 1994 году произошла по закону, и о том, что хотя «Апатит» и является монополистом в своем сегменте рынка удобрений, но своим положением не злоупотребляет, цен не поднимает и конкурентов не обижает.

Последнее обстоятельство оспаривает АО «Акрон» (Новгородская область), инициировавшее проверку. Выяснилось, что один из руководителей «Акрона» как раз и руководит аудиторской фирмой, подготовившей для следствия доклад об «ущербе обороноспособности страны», нанесенном деятельностью «Апатита». Адвокат Падва возмутился, заявив, что аудиторы вышли за пределы своих полномочий, но суд смолчал.

Прокурор сражался с аббревиатурами. Пристав читал глянцевый журнал, вложив его в скоросшиватель с надписью «План расстановки постов».

Лебедев пил простоквашу из большой пластиковой бутылки и разгадывал кроссворд. Представители гражданского истца — расформированного ныне МЧС — что-то рисовали. А глава конвоя, заснув, уронил на пол рацию. Грохот на время вывел всех из сонного состояния...

Адвокаты следили за ходом мысли Дмитрия Шохина. Защита заявила, что часть документов, представленных прокурором, документами, строго говоря, не являются: они должны быть выполнены на бланке, снабжены печатями, иметь подписи и их расшифровки. А на некоторых бумагах Генпрокуратуры нет расшифровки подписей, поэтому сказать с уверенностью, кто поставил автограф, нельзя. Или текст напечатан не на официальном прокурорском бланке. Во втором томе дела вообще не нашлось нескольких обещанных описью материалов, зато обнаружились какие-то другие. Адвокаты по ходу чтения указывали на эти нестыковки, но судья Колесникова только качала головой.

После перерыва адвокат Юрий Шмидт попросил пустить в зал еще журналистов, поскольку представителям прессы по-прежнему приходится заходить в зал по очереди, а сейчас есть свободные места. Пристав через полторы минуты вернулся: «Никто не хочет идти...».

Ирина Колесникова ухмыльнулась:

— Вы, очевидно, пытаетесь ввести суд в заблуждение?

— Я докажу. Вы позволите мне самому сходить?

Через минуту Юрий Шмидт привел журналистов. После этого судья Колесникова озоботилась наведением порядка. Она пообещала выгнать прочь главу группы иностранных наблюдателей Краузе и его переводчицу, если те «не перестанут шуметь».

К концу рабочего дня государственный обвинитель Шохин успел озвучить три из более чем двух сотен томов дела. Журналисты, произведя несложные арифметические вычисления, решили, что еще долго не останутся без работы.

21 июля в Мещанском суде гособвинитель Дмитрий Шохин зачитывал материалы дела вслух — с четвертого по седьмой тома. Речь шла о предполагаемом хищении подсудимыми акций «Апатита». Дмитрий Шохин рассказал, например, почему не было исполнено решение Арбитражного суда Москвы 1998 года о расторжении договора купли-продажи пакета акций и возврате их государству. Оказывается, исполнительный лист потерялся во время пересылки руководству «Апатита» в Мурманскую область. После безрезультатных поисков Фонд имущества Мурманской области попросил столичный суд прислать дубликат решения и начать новое исполнительное производство, потому что за это время законный срок действия исполнительного листа закончился. (Тогда вообще непонятен предмет разговора.)

Совершенно случайно в ходе процесса отыскалось и еще одно «преступление» подсудимых, ранее где-то затерявшееся. В обвинении о нем нет ни слова. Но в одном из протоколов внезапно обнаружили такую замечательную фразу: «Следователь пояснил понятным, что Ходорковский и Лебедев завладели бюджетными средствами». Зачитав все это, Дмитрий Шохин «повесил» на «ЮКОС» еще и изъятие средств из госбюджета.

Дмитрий Шохин предъявил также документы, касающиеся финансовых взаимоотношений «ЮКОСа» и холдинга Владимира Гусинского «Медиа-Мост». Эти материалы первоначально были в деле Гусинского. Четыре года спустя о них вспомнили: не пропадать же добру. По словам Шохина, с июля по ноябрь 1999 года компания «ЮКОС» перечислила «Медиа-Мосту» около 300 млн рублей. Всего Ходорковский, по мнению Генпроку-

ратуры, «противоправно и безвозмездно изъял и обратил в пользу Владимира Гусинского свыше 2,6 миллиарда рублей». Теперь Шохин мечтает вызвать Гусинского в Мещанский суд в качестве свидетеля.

Ужаснувшись перспективе провести в душном зале следующие полгода, адвокат Генрих Падва заявил, что прокурор «умышленно затягивает процесс, чтобы у суда создалось ложное впечатление, что против подсудимых собраны многочисленные доказательства». Действительно, прокурор, например, четыре раза зачитал один и тот же документ — инвестиционный договор, подписанный ЗАО «Волна».

В зале не скучали. Лебедев просматривал какие-то документы, а Ходорковский изучал книгу американского историка Ричарда Пайпса «Россия при старом режиме». Книга эта повествует о том, почему наша страна в последние тысячелетие жила бедно и почему она будет процветать и в будущем.

Главную беду России американский профессор увидел в «единодушном отношении» к частной собственности как к «безусловному злу»: «Тоталитаризм, достигший своей вершины в Советском Союзе, корнями уходит в систему правления, преобладавшую на протяжении большей части российской истории, — систему, которая не проводила различий между верховной властью и собственностью, позволяя царю быть одновременно и правителем, и собственником своего царства».

В четверг **22 июля** прокурор продолжил чтение дела. До перерыва успел огласить седьмой, восьмой и девятый тома. Об «Апатите» гособвинитель забыл. Теперь он с воодушевлением говорил о миллионах рублей, бензозаправках и Томской области. Потом Дмитрий Шохин предъявил в качестве доказательств копии паспорта, свидетельства о браке и о рождении ребенка Лебедева, чем сильно позабыл присутствующих. В ответ глава «МЕНАТЕПа» нарисовал небольшой плакат «У нас все по-взрослому» и продемонстрировал его сквозь решетку.

Суд прервал Дмитрия Шохина на двенадцатом томе дела.

Утром **23 июля** журналисты письменно попросили суд позволить сделать несколько снимков во время заседания. Прокурор идею отверг. Судья устало разъяснила, что менять взаимоотношения с прессой не собирается.

Медчасть СИЗО 99/1 снова прислала справку о том, что Михаил Ходорковский здоров и пребывание в суде ему не вредит. Генрих Падва накануне заметил, что «подобных справок, очевидно, в деле накопится не менее сотни», поэтому защита не видит смысла в том, чтобы «загромождать дело». В пятницу Ходорковский не выдержал. «По-моему, они издеваются», — сказал он.

Действительно, несколько странно исправно снабжать суд справками про здорового Ходорковского, когда болен Лебедев. Падва поинтересовался: «Лебедев, стало быть, не может принимать участие в заседаниях? Следственный изолятор (*Платон Лебедев находится в «Лефортове», Михаил Ходорковский — в «Матросской Тишине».* — **И.К.**) должен признать: либо они оба могут участвовать в суде, либо оба не могут».

И тогда Шохин разъяснил, что, оказывается, порядки по рассылке справок и осмотру сидельцев в каждом изоляторе свои: «Это установившаяся практика. А в «Лефортове» такой практики нет». Стало быть, Лебедеву просто не повезло: оказался он в «Матросской Тишине», суд был бы завален справками на предмет его отменного здоровья.

Главным событием пятницы стало ходатайство защиты Ходорковского и Лебедева о прекращении дела в связи с истечением срока давности. Это

ходатайство «вызвано не нашим желанием, а категорическим требованием закона. Мы ждали этого шага от гособвинителя», — пояснил Генрих Падва.

В 1994 году подсудимые якобы завладели 20 процентами акций «Апатита». УПК предусматривает для мошенничества десятилетний срок привлечения к уголовной ответственности. Если верить документам, например, удостоверяющим факт оплаты акций после победы «Волны» на инвестиционном конкурсе, то перевод денег завершился 22 июля 1994 года, а десять лет истекли в полночь 23 июля 2004 года.

Судьи с интересом слушали адвоката. Прокурор Шохин, очень серьезный, листал УПК. «Закон, — продолжил Падва, — требует от суда установить дату преступления и момент истечения срока давности. УПК говорит о том, что суд должен прекратить дело, поскольку по статье «Мошенничество» единственным условием для прекращения дела по этому основанию является согласие на это подсудимого».

Судья Ирина Колесникова разъяснила Ходорковскому и Лебедеву, что они вправе возразить против демарша своих адвокатов, поскольку прекращение дела по этому основанию не является реабилитирующим, а в будущем — кто знает? — вдруг Мещанский суд вынесет оправдательный приговор.

Суд не убедил Михаила Ходорковского. Он сообщил, что по-прежнему считает себя невиновным, представленные прокурором документы свидетельствуют о том же, и предложил не терять попусту время на эпизод с «Апатитом». Платон Лебедев с томом комментариев Генпрокуратуры к Уголовному кодексу в руках заявил: «Обстоятельства, излагаемые прокурором, стали известны мне только из уголовного дела... Чтобы мы не занимались здесь ерундой, как сказал Михаил Борисович, обвинитель был обязан ходатайствовать о прекращении дела...». А потом Лебедев произнес афоризм: «Всякое разумное дело имеет свое завершение, и только ерундой можно заниматься бесконечно».

Прокурор с листком бумаги в руках заявил, что ходатайство «всецело основано на ошибочном толковании закона», «суду предлагается оценить только некоторые из исследованных доказательств», а «суд обязан оценить всю совокупность доказательств». Шохин также подчеркнул, что у Генпрокуратуры по этому эпизоду кое-что припасено, и даже если в суде выяснится, что срок истек, все равно суд «обязан продолжить — повторюсь: продолжить! — рассмотрение дела до разрешения его по существу и потом в любом случае освободить подсудимого от наказания».

Следом за этим в прокурорскую голову пришла светлая мысль о конституционных правах. Одному Богу известно, как она туда завернула, но суду было заявлено, что прекращение дела «нарушит положение Конституции о равенстве сторон в судебном процессе». Пассаж развеселил аудиторию, ибо это первое упоминание о необходимости соблюдения Конституции, прозвучавшее из прокурорских уст.

Комментарий юриста

Елена ЛИПЦЕР, адвокат: «Все предыдущие ссылки защиты на Конституцию РФ и решения Конституционного суда РФ, в которых явно находила свое подтверждение позиция защиты относительно незаконности решения судом вопроса о мере пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого и его защиты, игнорировались как государственным обвинением, так и судом».

Судьи в задумчивости удалились в совещательную комнату. Ходатайство оказалось подобным кассетной бомбе и могло совершенно развалить дело.

Приставы выгнали из зала журналистку, не выключившую сотовый телефон; так и сказали: «Встала и пошла!». Андрей Крайнов и два его адвоката раскладывали пасьянс на экране портативного компьютера.

Пасьянс не сошелся. Судьи, вернувшись после затянувшегося перерыва, постановили: прекращать дело в части истории с «Апатитом» нельзя, поскольку прокурором прочитаны не все тома.

Явно довольный Дмитрий Шохин продолжил чтение сразу со 170-го тома. Ходорковский откликнулся: «Мы поддерживаем ваше желание ускорить процесс!». Можно предположить, что полторы сотни томов, через которые «перескочил» Шохин, повествуют об «Апатите», и защита не сможет заявить ходатайство прекратить все это за давностью лет, ведь доказательства еще не изучены.

В понедельник **26 июля** суд исследовал доказательства, предложенные государственным обвинителем. Дмитрий Шохин представил документы из разных томов дела. По задумке, эти бумаги должны помочь ему доказать незаконное завладение акциями Московского научно-исследовательского института по удобрениям и инсектофунгицидам имени проф. Я.В. Самойлова (АО «НИИ УИФ»). Институт был основан в 1919 году и до середины 1990-х неустанно трудился на благо родины, пока его, если верить прокурору, не захватил «ЮКОС». Сам Михаил Ходорковский в недавней речи назвал АО «НИИ УИФ» «одним из немногих успешно действующих российских отраслевых научных центров».

По версии обвинения, сотрудники «МЕНАТЕПа» изготовили подложные документы и через подконтрольные коммерческие организации захватили НИИ УИФ. Банк «МЕНАТЕП» учредил акционерное общество «Уоллтон», которое приняло участие в инвестиционном конкурсе и получило 44 процента акций НИИ. При этом Михаилу Ходорковскому было «заведомо известно, что инвестиционные обязательства исполняться не будут, а гарантии об их выполнении должны быть представлены в комиссию по подведению итогов конкурса лишь с целью признания АОЗТ «Уоллтон» победителем, без намерения исполнения обязательств». Так сказано в обвинительном заключении. В уголовном деле обнаружился целый букет фирм с затейливыми названиями: «Альт», «Камея», «Арго», «Триада». Образованы они были, по мнению Генпрокуратуры, Ходорковским и Лебедевым специально для того, чтобы «распылить» похищенные акции НИИ УИФ.

Монотонное чтение изредка прерывалось репликами адвокатов: «Уважаемый суд, обратите внимание на то, что этот протокол не датирован», «В этом документе отсутствует подпись». Ходорковский заявил, что подпись на некоторых документах выполнена не его рукой: «Мою подпись не подделывали: она даже не похожа на мою». По словам бывшего главы «ЮКОСа», он впервые увидел эти бумаги, когда Генпрокуратура предоставила материалы дела для ознакомления. Сомнительных документов в деле оказалось довольно много. Прокурор Шохин охотно соглашался с замечаниями, а суд на происходящее не реагировал вовсе.

Гособвинитель читал документы, касающиеся совместного предприятия «Рашн траст энд трейд» («РТТ») и «МЕНАТЕПа». Среди предъявленного попадались «ценнейшие доказательства» вины подсудимых, например, распоряжения, касающиеся режима работы в праздничные дни; протокол собрания «РТТ» по поводу распределения прибыли за третий квартал 1993 года, а также инструкция «О порядке работы с клиентами» двенадцатилетней давности. Потом судьи не выдержали и объявили перерыв.

Адвокаты раскрыли ноутбуки. Секретарь стал чинить карандаши. В тишине стало слышно, как жужжит кондиционер. Недавно он не справлялся с рабо-

той, но теперь в зале прохладно: людей в Мещанский суд приходило все меньше. Из следственного изолятора прислали традиционную, наверное сотую уже, справку о том, что здоровый Ходорковский здоров. Ее одобрили все. Из другого СИЗО про тяжелобольного Лебедева опять ничего не прислали. В такой атмосфере прокурор продолжил чтение.

Первая половина дня ушла на документы, описывающие взаимоотношения администрации города Лесной и местных предприятий. Эти предприятия платили половину налогов векселями «ЮКОСа». Местная администрация не возражала: «нефтяные» векселя быстро и выгодно продавались одному из московских банков. Выяснилось, что фирмы даже переплатили и администрация вернула часть денег. Вообще-то закон ничего не говорит о том, что налоги нельзя платить ценными бумагами, но следователям Генпрокуратуры нововведение почему-то не понравилось.

Снова зашла речь о НИИ УИФ. Прокурор вдохновенно говорил о химизации сельского хозяйства страны и о том, как «ЮКОС», похитив акции НИИ, свверг всех отечественных земледельцев в нищету.

Секретарь дремал под сенью российского триколора. Конвойные осваивали игры, спрятанные в сотовые телефоны. Главный охранник однажды сделал короткий звонок, но суд не прореагировал: только журналистам нельзя входить в зал с включенным телефоном.

Атмосфера напоминала университетский экзамен: сбивчивая речь испытуемого и скептицизм экзаменаторов. Когда Дмитрий Шохин начал читать один из документов, Генрих Падва заметил, что «документ нельзя сейчас оглашать, потому что его автор проходит свидетелем по делу, он еще не допрошен». Прокурор согласился.

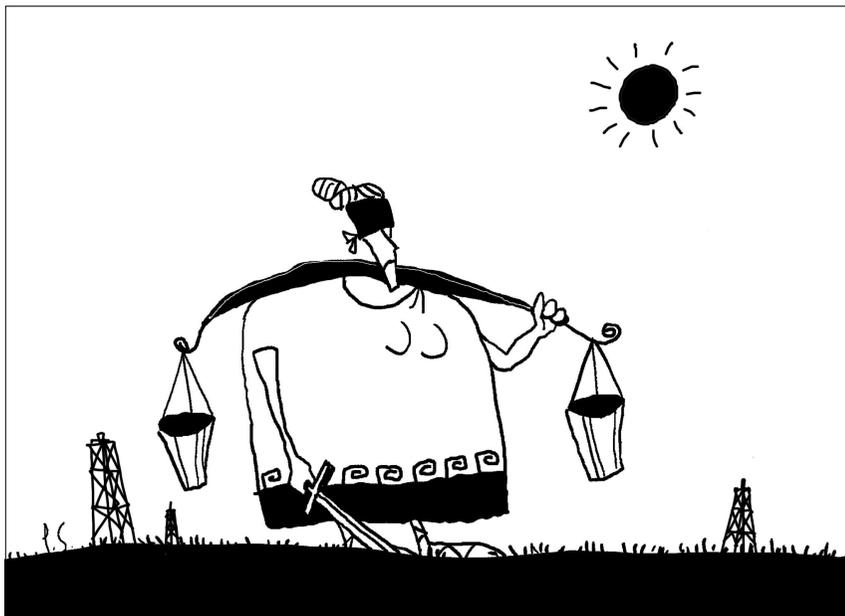
Потом в деле нашелся фрагмент устава фирмы «Эльбрус». Падва заметил, что «на этих страницах много неоговоренных исправлений: вымараны названия фирм. Кем и когда — неизвестно». Прокурор объяснить происхождение исправлений в документе, предъявленном в качестве доказательства, не сумел.

30 июля прокурор Дмитрий Шохин говорил о городе Лесной (Свердловская область). Как следует из документов, в 1998—2000 гг. в виде благодарности за «выполнение особо важного социального заказа по развитию производства и инфраструктуры, созданию рабочих мест, поддержке социальных программ» администрация города Лесной предоставила нескольким компаниям, связанным с «ЮКОСом», значительные налоговые льготы. Интересно, осталось ли в этом сибирском городе после прокурорского нашествия что-нибудь живое?

Генрих Падва не выдержал: «Прокурор ни разу не сказал, что оглашает копии, а не подлинники документов». Еще адвокат обратил внимание на то, что две копии одного и того же документа содержат разночтения. Как это возможно, представитель Генпрокуратуры объяснить не смог.

Над залом незримо парил «Сатурн-25» — фирма, по мысли прокурора, участвовавшая в неких незаконных операциях «ЮКОСа». Каких именно, не понял никто. Потом гособвинитель с увлечением расшифровывал схемы урегулирования задолженности «ЮКОСа»: «Эта стрелочка идет сюда, а вот эта стрелочка...».

Одним из документов, оглашенных в пятницу, был доклад аудиторской фирмы PriceWaterhouse Cooper's о распределении акций «МЕНАТЕПа». Адвокат Антон Дрель заявил, что прокурор представил никем не подписанный проект документа, а не его окончательную редакцию. Итоговую характеристику дал Генрих Падва: «Сегодня оглашаются такие документы, которые защита не считает по форме документами, поскольку они не подписаны...». Суд проигнорировал заявление. Падва развернул газету и в спор более не вступал.

АВГУСТ

Глава, повествующая о любви к чтению, или Явление «Апатита» народу

На заседании **2 августа** прокурор снова читал. На этот раз, чтобы доказать виновность подозреваемых, в ход пустили даже статьи из зарубежной прессы. И вот что удивительно: ранее Генпрокуратура никогда не отличалась особой внимательностью к своим, а тем более зарубежным газетам. Когда речь в них шла об отмытии российских миллиардов, прокуроры всегда делали вид, что публикации несерьезны, а тут в деле «ЮКОСа» их словно подменили. В понедельник подсудимый Лебедев заявил: прокурор «злоупотребляет доверием суда», читая документы, не имеющие отношения к делу, или бумаги, которые вовсе документами не являются, что «ведет к неоправданному затягиванию» процесса.

Прокурор Дмитрий Шохин улыбался. Потом судья Ирина Колесникова кивнула ему: продолжайте. И Шохин, поблагодарив суд, принялся читать статью, опубликованную в 1997 году в Le Temps. Ходорковский заявил, что в статье допущены неточности: например, речь идет о выпуске «ЮКОСом» акций в 1997 году, а на самом деле компания осуществляла эмиссию в 1996-м и 2003 годах.

Комментарий юриста

Елена ЛИПЦЕР, адвокат: «Представляется, что газетная статья не может быть доказательством по уголовному делу и чтение в судебном заседании газетных статей также явно неоправданно затягивает время судебного разбирательства. В соответствии с практикой Европейского суда по правам человека суд обязан с особой тщательностью под-

ходить к рассмотрению дел, по которым обвиняемые содержатся под стражей. Иначе может быть допущено нарушение параграфа 1 статьи 6 Европейской конвенции, гарантирующей рассмотрение дела в разумные сроки, и параграфа 3 статьи 5 конвенции, также гарантирующей рассмотрение дела в разумный срок или освобождение до суда».

Покончив с прессой, прокурор переключился на «темное налоговое прошлое» и предъявил суду распечатку закона «Об упрощенной системе налогообложения, учета и отчетности для субъектов малого предпринимательства», выписки из Гражданского кодекса и бланк заявления на выдачу патента индивидуального предпринимателя. Генпрокуратура утверждает, что Ходорковский с целью уклонения от налогов зарегистрировался как частный предприниматель.

Комментарий юриста

Елена ЛИПЦЕР, адвокат: «Впоследствии защите было отказано в приобщении к материалам дела нормативного акта, распечатанного из юридической базы «Консультант плюс» со ссылкой на то, что это общеизвестный документ, поэтому не требует приобщения. В то же время прокурору Дмитрию Шохину было разрешено «представлять» как доказательства обвинения еще более общеизвестные законы и выписки из законов. Это касается вопроса о соблюдении принципа равенства сторон в уголовном процессе».

Далее Дмитрий Шохин огласил договоры о предоставлении руководителями «ЮКОСа» консультационной помощи иностранным фирмам. Очевидно, прокурор имел в виду, что предосудительно «обладать познаниями в области банковского регулирования и экономическо-финансовой ситуации». Генрих Падва отметил, что эти договоры никем не подписаны.

Лебедев, улыбаясь, рассматривал фотоальбом. Ходорковский сосредоточенно писал что-то в синей ученической тетради. Один из журналистов рисовал в блокноте текущий циферблат наподобие тех, что изображал Сальвадор Дали (в Мещанском суде время и впрямь напоминает желе). Защита периодически поднимала голос: «Этот документ не датирован», «эта подпись не принадлежит Ходорковскому», «этот документ уже был оглашен стороной обвинения».

Дмитрий Шохин извлек бумагу о предполагаемой покупке «ЮКОСом» самолета. В письме содержалась инструкция о том, как его выгоднее использовать с точки зрения таможенного законодательства. Рассуждения гособвинителя об отличиях международного авиарейса от внутреннего вызвали смех в зале. Даже судьи не могли сдержаться, но прокурор был неумолим.

Вторник, **3 августа**: прокурор Шохин продолжил читать вслух ежедневник, найденный при обыске в «МЕНАТЕПе», чем развлекал присутствующих до обеда. Гособвинитель описывал «квадратик, в котором написано «ЮКОС», от квадратика идет стрелка к слову «партнер», а от него стрелочка идет...». Еще в ежедневнике нашлось обилие записей наподобие: «Фонды и трасты», «Договориться о встрече». Всем, в том числе судьям, было интересно, но прокурор не утруждал себя пояснениями.

Комментарий юриста

Елена ЛИПЦЕР, адвокат: «К вопросу о «намеренном затягивании процесса стороной защиты»: прокурор не упускает возможности обвинить

в этом защиту, забывая о времени, которое было потрачено на оглашение им самим документов, которые по своей сути не могут доказывать вину подсудимых».

Потом Дмитрий Шохин вернулся к «Апатиту» и огласил экспертное заключение, изготовленное по заказу Генпрокуратуры. Согласно выводам «Русской оценки», «не представляется возможным» сказать, сколько стоил «Апатит» десять лет назад, а на сегодняшний день комбинат оценивается примерно в 62 миллиона долларов. Адвокаты пообещали скоро представить данные, сильно отличающиеся от прокурорских. Далее гособвинитель рассказал о технологическом цикле при производстве апатитового концентрата и о количестве апатитовой руды, добытой в нашей стране в последнее десятилетие...

С этим тяжелым знанием собравшиеся разошлись по домам.

6 августа Мещанский суд, где рассматривается дело Лебедева и Ходорковского, напоминал избу-читальню. Адвокаты и журналисты листали газеты, подсудимые на своей скамье склонялись над русской литературой, а гособвинитель углубился в материалы уголовного дела.

Представитель Генпрокуратуры Дмитрий Шохин огласил целый ворох документов, предположительно относящихся к эпизоду с хищением акций ОАО «Апатит». Предположительно — потому что из присутствовавших мало кто понял, какое значение имеют документы о порядке горных работ или планы рудников, принадлежащих «Апатиту».

Четыре послеобеденных часа ушло на оглашение семидесятистраничной экспертизы. Следователи попросили экономистов ответить на несколько вопросов, например: как изменилась бы чистая прибыль «Апатита» в 2000—2003 годах в случае, если бы комбинат продавал апатитовый концентрат в России и за границей самостоятельно, а не с помощью фирм-посредников.

Секретарь дремал. Судьи наблюдали за прокурором; на их лицах свободно читался широкий спектр эмоций: от недоумения до тихой ненависти. Гособвинитель, мужественно продираясь сквозь джунгли аббревиатур, говорил о тоннах руды, миллионах рублей и видах «Апатита» на прибыль, интонационно выделяя «если бы...».

Около шести вечера судья Ирина Колесникова прервала прокурора. Все не скрывали радость от того, что заседание наконец-то закончилось. Адвокат Генрих Падва напомнил присутствующим о судебной практике: когда, например, при оглашении экспертизы зачитывают только вопросы и выводы... Адвокат призвал гособвинителя проявить милосердие и «принять иной порядок» оглашения материалов.

Дмитрий Шохин недоуменно заявил, что ему неясны разногласия в позиции защиты. По его словам, подсудимый Платон Лебедев недавно ставил в упрек то, что прокурор оглашает материалы не полностью, а теперь защитник Падва утверждает прямо противоположное.

Судья поинтересовался мнением на этот счет подсудимых. Михаил Ходорковский уверил суд, что ему было бы достаточно услышать только выводы экспертиз. Платон Лебедев уточнил, что разумнее читать выводы, но непременно целиком. В итоге судья Ирина Колесникова постановила, что суд не вправе влиять на порядок представления доказательств гособвинителем, но согласилась с тем, что было бы разумным оглашать экспертизы не полностью. С тем и расстались.

Утром **9 августа** в суд пришли две медицинские справки. Первая привычно удостоверила, что Ходорковский «практически здоров», во второй

было написано, что Лебедев снова «отказался от медосмотра перед выездом в суд». Платон Лебедев попросил взглянуть на документ, потом заявил, что «сегодня, как и ранее, никто из врачей СИЗО со мной не общался, а справка была составлена и передана конвою до моего выхода из камеры». Заседание длилось недолго. Прокурор довел до сведения суда бухгалтерские и налоговые документы «Апатита», в том числе техническую документацию некоего загадочного «приемного устройства».

Ход процесса позволяет сделать некоторые предположения. Похоже, что сторона обвинения все-таки затягивает рассмотрение дела. Вероятно, для того, чтобы Ходорковский и Лебедев, находясь за решеткой, не смогли повлиять на ситуацию вокруг «ЮКОСа», в том числе и на весьма подозрительную игру с его акциями.

16 августа. В Мещанском суде Москвы улучшилась посещаемость. Накануне государственный обвинитель сообщил, что документов, изобличающих Ходорковского, Лебедева и Крайнова, оглашено достаточно и что самое время перейти к допросу свидетелей. Присутствовавшие, которые совсем было утратили надежду на завершение дела в краткосрочной перспективе, воспрянули духом и единодушно одобрили эту мысль.

В понедельник из обещанных прокурором свидетелей в суде появился один — Анатолий Поздняков, до 1995 года — глава «Апатита». Но выслушать его не довелось: день выдался на редкость беспокойный.

Защита опять заявила ходатайство о прекращении уголовного дела по эпизоду с «Апатитом» ввиду истечения десятилетнего срока давности. Генрих Падва напомнил, что «теперь, когда исследованы все письменные доказательства по делу... самое время выполнить требования закона... Оставление ходатайства без удовлетворения будет означать попустительство беззаконию. <...> Продолжение рассмотрения дела может быть вызвано только внеправовыми соображениями».

Ирина Колесникова подняла Ходорковского и Лебедева со скамьи и в который уже раз повторила свой тезис: если они воспользуются возможностью прекратить дело «за давностью лет», то могут потом пожалеть, ведь даже на воле будут считаться осужденными. А так процесс только начинается — кто знает, суд может их и оправдать.

Ходорковский сообщил, что раскаиваться ему не в чем, но он присоединится к ходатайству защиты. «Важно понимать, в каком правовом пространстве я нахожусь», — пояснил он. Лебедев прибавил, что обвинение «основано на недостоверных данных», а доказательств вины подсудимых по этому эпизоду прокурор в суде не привел никаких.

Представитель гражданского истца (МНС) выступил против ходатайства, привычно не уточнив, почему именно возражает. После бросился в атаку прокурор: он еще не предъявил суду все доказательства. «Мы пока не на прениях, поэтому всю аргументацию привести не могу», — заявил он. Суд удалился, чтобы поразмышлять над этим вопросом. Вернувшись, постановил: в ходатайстве защите отказать, ибо несвоевременно.

Глава защиты Лебедева, Евгений Бару, продемонстрировал суду письма двух английских врачей: уже знакомого собравшимся Джона О'Грэди, специалиста по болезням печени, и не менее титулованного врача общей практики Мартина Харриса. В связи с тем, что «состояние Лебедева весьма серьезное и может угрожать его жизни», медики предложили Мещанскому суду свои услуги. Они готовы немедленно приехать, обследовать главу «МЕНАТЕПа», а если понадобится, выступить в суде.

Адвокат Бару огласил также текст обращения к главам европейских правительств (в том числе Михаилу Фрадкову) трех крупных юристов: Антонио Кассесе (бывшего председателя Комитета Совета Европы против пыток и председателя Международного уголовного трибунала ООН по бывшей Югославии), Вольфганга Пойкерта (бывшего главу исследовательского отдела Европейского суда по правам человека) и Кристиана То мушата (бывшего члена Комитета ООН по правам человека).

Юристы заявили, что намерены привлечь внимание мировой общественности к тяжелейшему положению, в котором оказался Платон Лебедев: «Нет сомнений в том, что содержание его под стражей представляет собой грубое нарушение как российского законодательства, так и императивных норм Европейской конвенции о правах человека <...>. Судебные слушания по делу ряда основных акционеров «ЮКОСа» используются властями для достижения ряда политических, идеологических и экономических целей, в частности для того, чтобы разделиться с группой своих противников из числа предпринимателей, которые исповедуют принципы рыночной экономики и рассматриваются нынешним политическим руководством как представляющие опасность».

Зачитали заявление депутата Госдумы Кондаурова о личном поручительстве: «В клетке сидит тяжело больной человек, нуждающийся не в сентенциях прокурора о клятве Гиппократа, а в медицинской помощи». Напомнив суду о конституционных правах гражданина Лебедева, напоследок защита попросила назначить ему обследование в гастроэнтерологическом отделении любого лечебного учреждения, не относящегося к ФСБ и УИН, а для этого отпустить главу «МЕНАТЕПа» из-под ареста и приостановить процесс. Во время выступления Бару судьи напряженно следили за логическими цепочками, а гособвинитель открыто улыбался. Такое поведение озадачило журналистов: повода для веселья они не увидели.

Дмитрий Шохин назвал ситуацию «парадоксальной», в полемическом запале упомянул о каких-то «справках, регулярно присылаемых в суд из СИЗО», и сообщил, что Лебедеву «проще обратиться за помощью к тем врачам, которые есть поблизости», то есть в медчасть СИЗО. Но Лебедев почему-то «активно избегает встречи с теми, кто мог бы ему помочь».

Прокурор говорил и о том, что нельзя верить «многочисленным, с позволения сказать, свидетельством лиц, находящимся в дальнем зарубежье». Закончил гособвинитель тем, что «заступился» за других подсудимых и посоветовал суду не забывать о конституционных правах Ходорковского и Крайнова, которые «несомненно» будут нарушены по вине «симулянта» Лебедева, а заграничных врачей назвал «подписантами».

Адвокат Бару парировал: «Я знал о существовании прокурора Дмитрия Шохина, но не догадывался о том, что он — врач». Адвокат напомнил, что защита уже восемь месяцев пытается добиться независимого медицинского обследования. Бару выразил уверенность в том, что Шохин как человек прекрасно понимает, что происходит, но «ощущает тяжесть своего мундира». Генрих Падва напомнил о том, что защита может пригласить О'Грэйди и Харриса в Москву, попросить Мещанский суд допросить их в качестве свидетелей. И это будет предложение, от которого суд не вправе отказаться — по закону.

Обстановка в зале накалилась. Лебедев в получасовой речи рассказал о медобслуживании в изоляторе. Например, после «невероятных усилий защиты» ему однажды измерили давление. После этого, по словам Лебедева, измерять давление пришлось самому врачу. Но, подумав, тот написал в заключении, что все в норме. Гособвинитель, по словам Лебедева, «пытается убедить всех, что в «Матросской Тишине» — санаторно-курортное лечение», но «врачи СИЗО признаются, что не могут выполнять свой профессиональ-

ный долг». По словам Лебедева, он «второй год отбывает наказание безо всякого приговора суда: это именно то, чего добивается Генпрокуратура», а 80 процентов доказательств по делу Шохин не огласил (в том числе и материалы о его здоровье).

Это выступление не слишком опечалило гособвинителя, однако судья Колесникова предупредила Лебедева о том, чтобы он «впредь не допускал неэтичных выражений в адрес кого бы то ни было из участников уголовного судопроизводства».

Адвокат Евгений Бару заявил, что Лебедев сегодня выглядит особенно плохо, и потребовал вызвать в суд «скорую», чтобы врач измерил ему давление. Шохин возразил, что ходатайство наводит его на «очень нехорошие мысли», подразумевая, что защита всеми силами затягивает процесс. В итоге во двор суда все же въехала машина «скорой помощи». Ожившие фотографии курсировали рядом. Журналисты выяснили, что машина приписана к Институту Склифосовского. Но вопреки ожиданиям Лебедева никуда не повезли: ограничились уколом магнезии. Причем судебный пристав довольно невежливо изъясил у любопытствующих журналистов пустую ампулу, которую те попросили у врача.

Заседание закончилось в десятом часу вечера — суд в порядке мелкой мести удалился на двухчасовой перерыв, чтобы вернуться с лаконичным решением судьбы Лебедева: английским пациентом он не будет, а останется в СИЗО.

Комментарий юриста

Елена ЛИПЦЕР, адвокат: *«Обращает на себя внимание тот факт, что даже после вызова «скорой помощи» милосердия у суда по отношению к Лебедеву не прибавилось. Вместо того чтобы сообщить о переносе оглашения своего решения на утро следующего дня, суд заставил больного Лебедева ждать своего решения за решеткой на деревянной лавке до позднего вечера (заседание закончилось после 9 часов вечера), несмотря на заключение врача о том, что Лебедев нуждается в отдыхе».*

Во вторник **17 августа** допрашивали свидетеля Анатолия Позднякова. Предложить пожилому человеку говорить сидя суд почему-то не догадался. Свидетель был гендиректором «Апатита» до января 1995 года, после этого состоял в совете директоров. В ходе допроса обнаружилось множество противоречий. Впрочем, показания Позднякова о приватизации «Апатита» свидетельствовали скорее в пользу подсудимых: «Инвесторам нужно время понять, что они купили... У них (АОЗТ «Волна». — **И.К.**) был шок, когда они разобрались». Но вскоре «Апатит» поднял на целую треть уровень добычи руды. Инвесторы, по словам Позднякова, помогали также выплачивать налоги и обеспечивали многочисленным работникам комбината зарплату.

А вот связь «Волны» и «МЕНАТЕПа» достоверно установить не удалось. Прокурора, который пригласил свидетеля, это не устроило. Он предложил зачитать многостраничные протоколы допросов Позднякова на том основании, что имеются «существенные расхождения». Адвокаты возразили, а судья Колесникова разрешила. (Особо отметим, что ни одну из просьб прокурора суд пока не оставлял без удовлетворения.)

Из протокола выяснилось, что следователь Салават Каримов, который допрашивал свидетеля, знает о добыче апатитов больше, чем сам Поздняков, который руководил комбинатом. Вопросы следователя напоминали указания, что именно говорить свидетелю. Зачастую отсутствовал даже знак вопроса.

Комментарий юриста

Елена ЛИПЦЕР, адвокат: «В соответствии с уголовно-процессуальным законом запрещено задавать наводящие вопросы. В ходе допроса одного из основных свидетелей следователь не просто пренебрег этим положением закона, а довел ход допроса свидетеля до юридического абсурда».

Когда прокурор иссяк, адвокат Генрих Падва предложил ввиду позднего времени прервать заседание (было почти шесть часов вечера). Ирина Колесникова заявила, что «суд старается максимально полно использовать рабочее время, ведь подсудимые находятся под стражей». Но все же решили прерваться.

Иностранцы журналисты были ошарашены отсутствием порядка в Мещанском суде, а российские вспомнили, что всего обвинением заявлены более 140 свидетелей, и тяжело вздохнули.

23 августа. В Мещанском суде Ходорковского и Лебедева оградил от адвокатов. Защита пожаловалась, что конвой не разрешает передавать подзащитным документы во время процесса. Генрих Падва предположил, что было бы бессмысленно каждые пятнадцать минут просить перерыва для консультации с обвиняемыми. Судья Ирина Колесникова против общения подсудимых с адвокатами в зале суда не возразила, но разрешила это сделать лишь во время перерыва. Что касается передачи документов подсудимым, было сказано: «Это к суду не относится и находится в компетенции конвоя».

Михаил Ходорковский немедленно откликнулся: «Инструкции конвоя не должны ущемлять конституционные права стороны защиты». И продолжил в том смысле, что если он каждый раз будет ждать перерыва, чтобы проконсультроваться с защитниками, то допрос одного свидетеля будет длиться неделями. Суд не прореагировал.

Комментарий юриста

Елена ЛИПЦЕР, адвокат: «По закону именно председательствующий судья руководит судебным заседанием и принимает все меры по обеспечению состязательности и равноправия сторон».

Обвинитель Дмитрий Шохин, как и обещал накануне, зачитал протокол допроса Анатолия Позднякова. Прокурор намерен был разрешить «существенные разногласия» между показаниями свидетеля на предварительном следствии и в суде, но лишь ухудшил свое положение.

После оглашения протокола Михаил Ходорковский заявил: «Этот допрос кажется не совсем обычным. В ходе допроса следователь сделал несколько заявлений, которые свидетелю было предложено объяснять. В результате мы получили ситуацию с показаниями, основанными на добросовестном заблуждении свидетеля и следователя. <...> Я считаю, что следователь сам заблуждался и вводил в заблуждение свидетеля, сделав несколько ошибочных заявлений о безвозмездности и безвозвратности инвестиций при покупке 20 процентов акций «Апатита». На сегодняшний день, после оглашения материалов дела, нам доподлинно известно, что инвестиции не должны были быть безвозмездными и в плане приватизации четко были обозначены обязательства «Апатита» эмитировать и передать инвесторам 50 процентов акций». Дмитрий Шохин парировал, назвав речь подсудимого «нажимом на свидетеля». Генрих Падва заявил, что у него были мысли просить исключить протокол допроса Позднякова из числа доказа-

тельств, поскольку в ходе допроса допрашивающий и допрашиваемый часто менялись местами: «Свидетель задает следователю вопросы, и тот охотно и подробно на них отвечает. Так что иногда даже непонятно, кто же кого допрашивает».

Прокурор Дмитрий Шохин заинтересовался этим обстоятельством, и между ним и Поздняковым произошел такой диалог:

— Уточните, пожалуйста, ваши показания: «Как я понимаю, они налоги не платили, а отправляли продукцию в офшорные зоны».

— Мне было известно, что в тот период была, да и сейчас не исчезла, поставка продукции через офшорные зоны. Но она была предусмотрена постановлением правительства... Я бы убрал обвинительные интонации со своей стороны в адрес инвесторов, поскольку это было предусмотрено законом, — ответил свидетель. А прокурор с неудовольствием вздохнул — опять промашка.

Далее к допросу Позднякова приступил сам Михаил Ходорковский. Прощелся с карандашом по инвестиционной программе и спросил, в чьих интересах должны были быть потрачены средства, упомянутые в ее пунктах. Анатолий Поздняков неизменно отвечал: «В интересах ОАО «Апатит»». Что и требовалось доказать. Тогда в чем смысл претензий?

Потом прокурор Дмитрий Шохин ходатайствовал о приобщении к материалам дела протокола допроса Позднякова. Защита и гражданский истец встали против этого: это означало бы нарушение требований УПК, который не допускает восполнения пробелов предварительного следствия в процессе судебного разбирательства. Это был бы опасный прецедент. В итоге суд все-таки отказал гособвинителю, но по той причине, что копия заверена ненадлежащим образом: на двух листах отсутствует подпись должностного лица. Это был первый отказ суда выполнить просьбу Дмитрия Шохина. Почти бунт.

Около пяти часов вечера свидетеля Позднякова отпустили. И гособвинитель предложил допросить еще одного. Участники процесса зашелестели бумагами — к появлению Григория Ржешевского, замначальника Управления учета обязательств и контроля за их исполнением Российского фонда федерального имущества, они не были готовы. Прокурор по-прежнему не считал нужным проинформировать суд и процессуальных противников о том, кого собирается вызвать.

Свидетель рассказал, в частности, что из Мурманска «стала поступать информация, что условия по договору продажи 20-процентного пакета «Апатита» инвесторами не выполняются. Была сформирована комиссия, которой было установлено, что обязательства действительно не выполняются». Поэтому были приняты меры для расторжения договора, чтобы вернуть акции в гособственность. В итоге Арбитражный суд Москвы расторг договор, однако «исполнительное производство было прекращено на том основании, что акций у ответчика на тот момент уже не было».

Ржешевский пояснил также, что у РФФИ не было особенных сомнений в том, что за «Волной» стоит «МЕНАТЕП». По его словам, 80 процентов приватизационных конкурсов в середине 1990-х проходили так, что гарант инвестиционной программы был настоящим покупателем акций. Михаил Ходорковский подтвердил свое прежнее решение давать показания по делу только после того, как будут допрошены все свидетели. Но «сейчас обвинение выясняет очевидные обстоятельства», а именно: имеет ли отношение «МЕНАТЕП» к приватизации «Апатита». Поэтому он готов дать частичные показания.

Ходорковский, в 1994 году председатель правления банка и совета директоров, сообщил, что «МЕНАТЕП» действительно принимал участие в приватизации «Апатита». Выглядело это так: банк наряду с другими услугами разрабатывал стратегии участия в инвестиционных конкурсах и аукционах. Одним из способов было

выставление сразу нескольких заявок — это «законный прием, применяемый и сейчас». «МЕНАТЕП» также предоставлял своим клиентам гарантии, и, поскольку кредитных организаций такого масштаба в стране существовало не более десятка, иногда оказывалось, что «МЕНАТЕП» гарантировал инвестиции сразу нескольких участников конкурса. По словам Ходорковского, все действия банка были публичными и соответствовали законодательству.

Прокурор Дмитрий Шохин попытался выяснить у Ходорковского подробности участия инвестиционного банка в судьбе «Апатита», но тот неизменно отвечал, что «вопрос выходит за рамки данных сейчас пояснений», а на все вопросы он, как и обещал, ответит позднее. Гособвинитель не сдавался: не получая ответов, он генерировал новые и новые вопросы. Потом все же не выдержал:

— Так вы отказываетесь давать показания?

Ходорковский невозмутимо заметил, что желает помочь следствию разобратся в очевидных вопросах, чтобы «обвинение не ломилось в открытую дверь», но становиться свидетелем обвинения не желает. Шохин, гремя стулом, вскочил:

— Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что только что подсудимый Ходорковский в завуалированной форме отказался отвечать на мои вопросы!

Комментарий юриста

Елена ЛИПЦЕР, адвокат: *«По закону подсудимый имеет право давать показания тогда, когда он это пожелает сделать, и государственный обвинитель не может заставить его давать показания и отвечать на его вопросы тогда, когда он считает это нужным».*

Суд не нашел что сказать. И приступил к допросу третьего свидетеля по делу — Евгения Комарова, занимавшего пост губернатора Мурманской области в 1991—1996 годах.

Свидетель с ходу заявил, что «приватизация «Апатита» проходила в соответствии с законодательством, нарушений никаких не было». Заявки об участии в конкурсе на приобретение пакета акций «Апатита» выставили несколько организаций. По словам Комарова, после отказа остальных участников конкурса от заключения инвестиционного договора АОЗТ «Волна» стало победителем. Но ничего дурного в этом нет: «Волна» (по мнению прокурора, «дочка» «МЕНАТЕПа». — **И.К.**) принесла «наиболее оптимальный, красивый, емкий пакет предложений».

Вскоре свидетель освоился, и в его голосе появились начальственные нотки. Он говорил о начале 1990-х и о преимуществах мурманских апатитов перед заграничными: «Марокканский концентрат! Там соли тяжелых металлов, там уран!». (Судьям было интересно.) Далее свидетель рассказал о том, что происходило после победы «Волны».

Инвесторы выяснили, что у «Апатита» большая задолженность перед железной дорогой и энергетиками. Рабочие гадали, будут ли они уволены. Мог возникнуть социальный взрыв. Тогда в Апатиты приехал Ходорковский. «Руководители области и города, Ходорковский и сотрудники «Апатита» — мы все пытались найти выход из сложившейся ситуации по ликвидации задолженности», — сообщил Евгений Комаров. Ходорковский «вел себя спокойно, деловито, даже когда на него кричали рабочие». При этом «хозяйских настроений у него не было». Ходорковский, по словам свидетеля, никогда не говорил, что «МЕНАТЕП» владеет акциями комбината, речь шла только о финансовой помощи.

В итоге «МЕНАТЕП» погасил долги предприятия — около 38 млрд рублей. Кроме того, Ходорковский пообещал, что массового увольнения людей не будет. (Пос-

ле всех этих заявлений стало вообще непонятно, за что судят Ходорковского.) После того как «социальный взрыв был предотвращен», Фонд имущества Мурманской области подал на инвестора в арбитражный суд. (Ни одно доброе дело не остается безнаказанным.) «Инвестиционная программа не выполнялась в том объеме, в каком она была записана. Не выполнялись пункты договора, касающиеся социальной сферы», — сказал Комаров. (Свидетель так и не определился с вопросом, что хорошо, а что плохо, и мучительно пытался сделать это в зале суда.)

После перерыва Ходорковский с бумагами в руках попытался выяснить, какие именно пункты программы не были выполнены. Оказалось все-таки, что инвесторы полностью выполнили требования инвестиционного проекта. А условия, о которых говорил бывший губернатор (строительство Дома малютки в Мурманске и аэропорта в Кировске, троллейбусной линии Кировск — Апатиты, строительство жилья для переселения на юг работников комбината, мини-пивоварня), в тексте программы, подписанной губернатором Комаровым, почему-то отсутствуют.

Адвокаты усомнились: было ли необходимо в таком случае выполнять эти условия? Прокурор заявил, что это «навязывание свидетелю своего мнения». Хотя ответ и так очевиден. Вечером Генрих Падва заявил журналистам, что защита удовлетворена допросами первых трех свидетелей: «В ходе допросов мы не увидели фактов, избочающих обвиняемых». От себя добавил: даже скорее — наоборот.

26 августа. Очередное слушание по делу бывших руководителей «ЮКОСа» показало: дело изрядно перегружено ничего не значащими свидетельствами и материалами, а представители Генпрокуратуры склонны искать улики (или, напротив, скрывать их отсутствие?) в этой мутной воде. Полагаются, видимо, на собственные громкие заявления, которые, на взгляд прокуроров, никто не посмеет оспорить.

На очередном заседании в Мещанском суде Платон Лебедев зачитал из большой школьной тетради разъяснение своей позиции по некоторым высказываниям гособвинителя Дмитрия Шохина и его руководства в лице первого заместителя генпрокурора Юрия Бирюкова.

Подсудимый посоветовал Дмитрию Шохину просить суд принять, во-первых, только надлежаще оформленные документы, во-вторых, только тогда, когда это необходимо, ведь гособвинитель «должен здраво оценивать их ценность». «Нельзя установить истину, нарушая закон», — прибавил Лебедев. Далее он вступил в борьбу с Юрием Бирюковым. Тот в марте дал интервью, озаглавленное «Сколько «ЮКОСу» ни виться». Вооружившись записями, Лебедев прокомментировал несколько мыслей замгенпрокурора. Тот поведал, например, о том, что ОАО «Апатит» находится в собственности «ЮКОСа». Лебедев возразил, что компания «Апатитом» «никогда не владела и не владеет».

Бирюков заявил в интервью, что «ЮКОСу» «надо было заплатить за акции 283 млн долларов» и «не надо считать себя умнее всех, а в остальных видеть дураков». Лебедев с цифрами в руках доказал, что инвестор заплатил полную стоимость акций «Апатита» — 415 тысяч рублей. (Кто же виноват, что рубль обесценился.) Кстати, заметил Лебедев, денежная единица (см. Конституцию) в России пока не доллар, а рубль.

В ответ на упрек Бирюкова «не только «ЮКОС» собирался бежать за границу, но и Лебедев» глава «МЕНАТЕПа» предложил Дмитрию Шохину сходить к Бирюкову и показать материалы дела, которые как раз доказывают обратное. В заключение Лебедев призвал Генпрокуратуру, пока не поздно, одуматься и извиниться, в противном случае пообещал защитить свои честь и достоинство в суде. Гособвинитель Шохин, слушая эту филиппику, улыбался.

Потом Шохин попытался получить у свидетельницы Татьяны Рашиной ответы на некоторые «важные» вопросы. Например, при каких обстоятельствах Рашина и другие руководители Фонда имущества Мурманской области получили в 1994 году визитные карточки от представителя банка «МЕНАТЕП» Сергея Абрамова. (Очевидно, именно эти визитки — главный вещдок прокуратуры.)

Другие показания Татьяны Рашиной, в частности ее заявление о том, что «инвестиционный конкурс был проведен в соответствии с законодательством», прокурора не заинтересовали. Он попросил у суда позволения предъявить свидетелю протоколы допросов: усмотрел «существенные противоречия». Защитники предложили не тратить время на чтение, а ограничиться дополнительными вопросами. Но суд опять не смог отказать прокурору. Впрочем, это не слишком помогло Дмитрию Шохину. «...«МЕНАТЕП» никогда официально не был связан с покупкой 20 процентов акций «Апатита»...» — зачитано в суде.

После перерыва свидетельствовал Николай Мухаев, работавший юристом в Фонде имущества Мурманской области и готовивший иск о расторжении сделки с 20 процентами акций «Апатита». Он рассказал историю о том, как после расторжения договора арбитражем по инициативе Фонда имущества руководителю фонда Хакимову некто стал «угрожать», тот сделался замкнут, «запирался в своем кабинете», а вскоре умер. (Хакимов злоупотреблял спиртным и на самом деле умер от цирроза печени, но в изложении свидетеля смерть его выглядит загадочной.)

По словам свидетеля, Фонд имущества «пытался привлечь «Апатит» на свою сторону, но тот встал на сторону «дочки» «МЕНАТЕПа» «Волны»...». Неудивительно: ведь свидетели утверждают, что с приходом инвестора положение на комбинате улучшилось.

Генрих Падва поинтересовался у Николая Мухаева, вернул ли сам Фонд имущества деньги за акции после расторжения договора.

— Нет, не вернул...

— Тогда почему «Волна» должна была вернуть акции?

Свидетель внятно объяснить это противоречие не смог.

Генрих Падва обратился к судьям: «Мы по-прежнему не можем оперативно общаться с подсудимыми... Работники СИЗО сказали нам, что в зале с разрешения председательствующего судьи подсудимым можно передавать документы». Судья Ирина Колесникова поинтересовалась у конвойных, правду ли сказал адвокат. Начальник конвоя, нервно теребя кобуру, подтвердил: да, правду. Сошлись на том, что адвокаты и подсудимые, прежде чем обменяться бумагами, будут предъявлять их суду. После этого почему-то у «клетки» выставили дополнительную охрану, а конвойные все время пытались заглянуть в экраны адвокатских ноутбуков.

Последним свидетелем обвинения в четверг стала помощник первого заместителя генерального директора «Апатита» Тамара Агеюшкина, занимавшаяся на предприятии делопроизводством. В 1994 году свидетельница помогала оформлять ведомости на зарплату работникам «Апатит-трейда» (по версии прокуратуры, аффилированной «МЕНАТЕПу» бытовой организации). Женщина выглядела явно растерянной и даже испуганной. Подсудимые, как могли, утешали ее: «Вы только не волнуйтесь...».

Прокурор, не добившись от нее нужных показаний, злился: «Вы понимаете смысл моих вопросов?!». Генрих Падва заметил, что это «не слишком законный способ воздействовать на свидетеля». Дмитрий Шохин пожаловался судьям: «Слова защитника Падвы оскорбительны для меня и для всей судебной системы!».

Ирина Колесникова сообщила адвокату, что недопустимы «неэтичные высказывания в адрес кого бы то ни было», и пообещала, что «суд будет следить за происходящим в зале». Вечером Генрих Падва поделился с журналистами своими впечатлениями: «Последняя свидетельница, мягко говоря, вызвала удивление, так как непонятно, зачем вообще она была вызвана. <...> Это напуганная несчастная женщина, ее первый раз вызвали сначала в прокуратуру, потом в суд. Я думаю, что она и в прокуратуре так же что-то бормотала».

27 августа суд одобрил (несмотря на протесты адвокатов) медсправку о состоянии здоровья Лебедева. Врачи СИЗО на взгляд определили, что Лебедев вполне здоров и может принимать участие в заседаниях. Правда, авторы документа «постеснялись» указать свои фамилии.

Гособвинителя интересовало взаимодействие «Апатита» и связанных с ним предприятий. В зале суда появилась Елена Тяпкова, с 1991 года работающая бухгалтером в «Апатите». Ходорковский заметил, что надеется на пользу от ее показаний. Прокурор грозно сообщил: «Шутки здесь неуместны!». Свидетельница рассказала, что в 2000 году она в течение трех-четырех месяцев по совместительству работала в фирме ООО «Варяг» (по мысли обвинения, одной из подставных фирм, с 1995-го по 2002 год перепродававшей продукцию «Апатита» по завышенным ценам за границу). Там она выполняла техническую работу, например, изготавливала ксерокопии железнодорожных накладных на «шары». На вопрос, что это такое (видимо, запчасти для горной техники), свидетельница пояснила лишь, что «шары необходимы в производстве». Как эти сведения помогут Шохину, никто не понял.

Далее гособвинитель попросил приобщить к делу ворох бумаг о том, почему некоторые свидетели в настоящее время не могут предстать перед судом. Защита попросила разрешения почитать документы. Суд объявил перерыв. После перерыва Генрих Падва принялся вслух анализировать документы. Например, одним из них оказалось сопроводительное письмо к протоколу допроса свидетеля. Причем сам протокол отсутствовал, а допрос проводился тогда, когда суд над Ходорковским уже начался. Часть документов оказалась извещениями о том, что свидетели находятся в отпуске или командировке, но в первых числах сентября вернуться. Некоторые бумаги оказались без печатей и подписей. Еще одна засвидетельствовала факт, что участковый милиционер навестил свидетеля, но никого не оказалось дома.

Защита Андрея Крайнова сообщила, что «неуловимый» свидетель отбывает наказание, поэтому странно искать его где бы то ни было, кроме зоны. Генрих Падва заявил, что «продолжаются следственные действия, восполняющие недостатки предварительного следствия». И это на самом деле так: обвинение регулярно представляет документы, доказывающие, что следственные действия продолжаются, а это запрещено законом. Адвокат посетовал на то, что, «конечно, полностью уравнивать нас в правах с гособвинением невозможно», но с таким нарушением принципа равенства сторон в судебном процессе он сталкивается впервые. Адвокат Тимофей Гриднев обратил внимание присутствующих на то, что один протокол допроса датирован *15 декабря 2004 года*: «Конечно, гособвинитель скажет, что это техническая ошибка... Тогда все это дело — одна большая техническая ошибка!».

Прокурор был холоден: «Как-то это все нехорошо получается...». Лебедев воззвал к суду: «Когда Дмитрий Эдуардович (Шохин. — **И.К.**) вспомнил о Конституции — это был единственный раз, суд не приобщил документы к делу. Прошу и в этот раз принять положения Конституции во внимание». Суд быстро решил: документы приобщить, с печатями и без, даже датированные будущей зимой — все без исключения.

30 августа в начале заседания Платон Лебедев сделал заявление: «Многие в России и за ее пределами убеждены, что по отношению ко мне и Ходорковскому существуют... признаки политического преследования и что мы не можем рассчитывать на справедливое судопроизводство. <...> Речь идет о попытках Дмитрия Шохина в обход судебного следствия фактически инициировать возобновление и продолжение предварительного следствия по нашему делу, несмотря на то что вся стадия досудебного производства юридически уже давно завершена. <...> Я понимаю, что допрошенные восемь свидетелей обвинения уже проделали серьезную брешь в позиции стороны обвинения» и это дает возможность в третий раз заявить ходатайство о прекращении уголовного дела и уголовного преследования по основаниям, связанным с истечением сроков давности.

Лебедев заявил, что у суда есть основания прекратить дело по эпизоду с акциями «Апатита». Об этом свидетельствует «отсутствие потерпевших, расчета размера ущерба, выполненного надлежащими экспертами в соответствии с законом, а также то обстоятельство, что Генпрокуратуре выступать в качестве потерпевшего и эксперта по этому делу уголовно-процессуальным законом право не предоставлено».

— Если Дмитрий Шохин проявит одно из необходимых прокурорам качеств — профессиональную смелость, которая диктует разумным людям стремление вырабатывать в себе умение вовремя останавливаться, и поддержит ходатайство защиты, это станет началом разумного компромисса сторон в состязательном процессе, — отметил Лебедев. — Мне с Ходорковским уже давно надо обратно, нас ждет работа, правда, мне еще надо полечиться. Думаем, нам приятно слышать, что из-за «дело «ЮКОСа»», согласно немецкой газете «Ди Вельт», российский рынок потерял 55 миллиардов долларов? Уже давно пора это исправить.

31 августа показания давали два свидетеля обвинения. Это Владимир Галицкий, который с июня 1998 года работал коммерческим директором ОАО «Минудобрение» (г. Россось), и Андрей Калитин — заместитель начальника отдела материально-технического обеспечения этого же предприятия. В ходе довольно эмоционального перекрестного допроса свидетели показали, что «Апатит» продавал свое сырье только через посредников.

По показаниям Галицкого, он работал с ОАО «Апатит» через посредников — компании «Апатит-трейд», «Агрохим-трейд» и «Росагромаркетинг». Галицкий сообщил, что это обычная практика: многие предприятия передают коммерческие полномочия другим структурам. На вопрос гособвинителя, были ли фирмы-посредники связаны между собой, четкого ответа свидетель дать не смог.

Присутствующих развеселил вопрос обвинителя о том, не хотели бы представители «Минудобрения» покупать сырье подешевле. Владимир Галицкий подтвердил, что, действительно, покупать сырье по низким ценам — выгоднее для предприятия. Он пытался договориться с «Апатитом», чтобы покупать у них концентрат напрямую, но эти попытки не увенчались успехом. Галицкий сообщил, что надеялся таким образом на понижение цены на концентрат на 3—5%. Однако, отвечая на вопрос Михаила Ходорковского о том, понизил бы он сам цену продукции своего предприятия на 3—5% в аналогичной ситуации, свидетель, подумав, ответил отрицательно.

Между тем в ходе допроса выяснилось, что в конце 90-х годов, выполняя соответствующее постановление правительства в поддержку сельскохозяйственного производителя, «Апатит» должен был выделять определенные квоты по твердой цене для ОАО «Минудобрение». Квотируемая цена апатито-

вого концентрата составляла 815 руб. без НДС за тонну, а коммерческая — 43,3 доллара США. Свидетели подтвердили, что «Апатит» полностью выполнял свои обязательства в соответствии с этим постановлением.

Комментируя показания свидетеля, Генрих Падва отметил, что все обвинение сводится к тому, что из-за учреждения подставных фирм-посредников, через которые якобы по заниженной цене продавался апатитный концентрат, причинен ущерб акционерам. «При этом обвинение получает от свидетелей прямо противоположные показания», — отметил защитник.

После обеденного перерыва на трибуну свидетеля взошла Людмила Полянская, которая работала начальником отдела реализации имущества и ценных бумаг Фонда имущества Мурманской области с 1993 по 1999 год. В ее обязанности входило оповещение о предстоящих инвестиционных конкурсах, создание конкурсной комиссии и оформление договора с победителем. Как сообщила Полянская, одна из компаний, которая представила свою заявку на конкурс, сразу получила отказ, так как в ее основном капитале 25% составляла государственная собственность, а у четырех компаний, представивших документы на конкурс, гарантом выступал банк «МЕНАТЕП». Как объяснили участники конкурса, все они являлись клиентами банка, поэтому он и стал их гарантом.

Наибольший объем инвестиций предлагало АОЗТ «Интермединвест» — фирма, которую представлял Сергей Абрамов. Однако после того, как данную фирму объявили победителем, он отказался от участия в конкурсе. После этого отказались еще несколько компаний. АОЗТ «Волна» представило наименьший объем инвестиций, однако в соответствии с законодательством не имелось никаких оснований для отказа в объявлении его победителем. Полянская подтвердила, что конкурс был бы действительным, даже если бы заявку подал один участник.

Фонд имущества, по ее словам, сполна получил от АОЗТ «Волна» деньги за акции, но инвестиции поступали очень ограниченно. В ходе допроса свидетельницы гособвинитель, обвиняемые и защита пытались выяснить у нее, какая именно форма инвестиций была предусмотрена в инвестиционном договоре. Согласно положению о продаже акций «Апатита», на инвестора не налагались какие-либо ограничения в праве выбора формы инвестиций. По словам адвоката Генриха Падвы, хотя обвинение не спорит с тем, что действительно имело место кредитование «Апатита» со стороны инвестора, однако считает такую форму инвестирования незаконной, так как она возвратна. Между тем, подчеркнул он, согласно закону кредитная форма инвестирования считается легитимной.

СЕНТЯБРЬ

Глава, повествующая о малых городах и о больших полномочиях Генеральной прокуратуры

2 сентября Михаил Ходорковский вновь заявил ходатайство о предоставлении обвиняемым возможности свободного общения с защитой: «Нам разрешают разговаривать на расстоянии одного метра, между нами находится конвоир, тогда как раньше нам разрешали общаться на расстоянии полуметра и между нами никто не находился». Ходорковский просил у суда разрешения «на общение с адвокатами на расстоянии полуметра», а также отсутствия при этом конвоира. «План охраны нарушает мои права, и я хотел бы, если он существует, его получить и в дальнейшем обжаловать», — сказал экс-глава «ЮКОСа». Генрих Падва подчеркнул, что «с каждым разом условия общения с обвиняемыми ужесточаются».

Дмитрий Шохин нарушения прав обвиняемых не увидел и заявил, что «данный вопрос никакого отношения к судебному заседанию не имеет». Подсудимый, по его мнению, вправе обращаться в администрацию следственного изолятора и к руководству конвоя.

Ирина Колесникова спросила начальника конвоя. Он ответил, что существует план охраны, согласно которому конвоиры должны стоять по периметру клетки на расстоянии одного метра от нее. Потом суд встал на сторону Дмитрия Шохина, постановив, что «установление расстояния общения обвиняемых с адвокатами в компетенцию суда не входит».

Комментарий юриста

Елена ЛИПЦЕР, адвокат: «В соответствии с Конституцией, российскими законами и Европейской конвенцией суд должен заботиться о том, чтобы право подсудимых на защиту в ходе судебного следствия соблюдалось. В противном случае в Европейском суде по правам человека защита будет вправе поставить вопрос о нарушении права подсудимых на защиту в ходе судебного процесса».

В качестве свидетеля по эпизоду о хищении 44-процентного пакета акций Научно-исследовательского института по удобрениям и инсектофунгицидам им. Самойлова (АО «НИИ УИФ») был допрошен бывший председатель Российского федерального фонда имущества Владимир Соколов. «Инвестиционные деньги поступали, но, насколько я помню, сроки были нарушены. Судьба денег и возможные цели их расходования мне не известны, — заявил свидетель, комментируя перемещение денег со счета «Уоллтона» на счет НИИ УИФ и обратно. — Получение денег — только этап в выполнении инвестиционной программы. Мы не могли воздействовать на то, как получаемые деньги использовались. Такое положение дел стало возможным в результате пробелов в законодательстве, существовавших на тот момент».

Кроме того, в заседании были допрошены бывший генеральный директор фирмы «Уоллтон» Сергей Усачев и Александр Лесохин, занимавший в 1995 году должность начальника отдела НИИ УИФ.

Александр Лесохин рассказал, что в августе 1995 года АОЗТ «Уоллтон» (по словам свидетеля, «подконтрольное Ходорковскому») стало победителем конкурса по продаже 44% акций НИИ, однако инвестиционные обязательства в части перечисления двумя траншами инвестиций в размере 25 млн долларов победитель не выполнил. В декабре 1995 года деньги были перечислены на счет НИИ УИФ, но в тот же день возвратились на счет АОЗТ «Уоллтон». По мнению свидетеля, решение об обратном перечислении средств мог принять только гендиректор НИИ УИФ.

Свидетель рассказал также, что в связи с невыполнением «Уоллтоном» инвестиционного договора сотрудники НИИ написали письмо в прокуратуру, которая обратилась в суд. Но так как иск не был поддержан РФФИ, дело было проиграно. Через несколько лет представители РФФИ сами подали иск в Арбитражный суд. Договор купли-продажи был расторгнут, однако акции не были возвращены, так как «Уоллтону» уже не принадлежали.

3 сентября в процессе объявлен перерыв из-за болезни одной из судей.

6 сентября в суде собрались журналисты, но зря: две женщины в черных мантиях сообщили, что третья до сих пор больна. Сверхкороткий рабочий день был знаменателен тем, что охрана, ничего не объясняя, не пропустила в зал председателя Московской Хельсинкской группы Людмилу Алексееву, а также одну из журналисток и нескольких граждан, желавших попасть на процесс, хотя свободные места в зале были. Так что процесс по «делу «ЮКОСа»» фактически остается частично закрытым.

В четверг **9 сентября** суд явился в полном составе, и заседание началось с чтения корреспонденций. Администрация СИЗО письменно пожаловалась на дурное поведение Платона Лебедева. Дескать, две недели назад этот дебошир во время обыска «оскорбил сотрудника изолятора, исполнявшего свои обязанности, вел себя вызывающе, чем унижил честь

и достоинство». Оказалось, что Лебедев обратился к надсмотрщику на «ты». Лебедев предложил суду рассказать, что произошло. Ирина Колесникова заявила, что инцидент «не является предметом данного судебного разбирательства», но тем не менее документ к материалам дела за чем-то приобщила.

Разобравшись с поведением подсудимых, суд обратился к их здоровью. С Ходорковским покончили быстро: он «может принимать участие в судебных заседаниях». С Лебедевым оказалось все не так просто. Доктора из «Матросской Тишины» прислали очередную справку. Обычно там значилось: Лебедев от медицинского обследования отказался, но врачи, подвергнув его «динамическому осмотру» (через глазок камеры), заключили, что он здоров. На этот раз медчасть оговорила, что Лебедев страдает вялотекущим гепатитом, что, однако, не препятствует его присутствию в Мещанском суде.

Полгода понадобилось, чтобы администрация СИЗО признала факт заболевания Лебедева. Может быть, еще через полгода врачи изолятора решат, что его необходимо лечить?

Потом суд вернулся к допросу свидетелей. Игорь Кустов, директор Центра поддержки предпринимательства и развития конкуренции города Трехгорный (Челябинская область), рассказал, что пять лет назад «ЮКОС» участвовал в инвестиционной программе по реконструкции сетей АЗС и санатория в Челябинской области, а городская администрация взамен предоставила нескольким компаниям, связанным с «ЮКОСом», налоговые льготы. По словам свидетеля, часть налогов поступала в виде векселей, но у города никогда не было проблем с их реализацией. Свидетель был уверен, что векселя являются законным платежным средством, так как это была общепринятая практика. С декабря 1999 года, когда МНС запретило платить налоги векселями, ценные бумаги больше не принимались.

Следующим на трибуну вошел бывший сотрудник отдела приватизации «МЕНАТЕПа» Сергей Ушанов. Он говорил о приватизации московского Научно-исследовательского института по удобрениям и инсектофунгицидам. По мнению Генпрокуратуры, «ОПГ Ходорковского—Лебедева» с помощью подставных фирм похитила 44 процента акций этого НИИ.

Ушанов рассказал, что в 1995 году он подготовил пакет документов для акционерного общества «Полинеп» и представлял его на приватизационном конкурсе НИИ УИФ. На конкурс также подал заявку сотрудник «МЕНАТЕПа» Михаил Царьков, представлявший интересы АОЗТ «Уоллтон». По словам свидетеля, оба предприятия были клиентами банка «МЕНАТЕП», поскольку для участия в конкурсе требовалась банковская гарантия. Зачем прокурор вызвал свидетеля — непонятно; как и многие другие, он лишь подтвердил, что «нехорошие», по мнению следствия, сделки были очень даже хороши и прозрачны.

10 сентября Дмитрий Шохин попросил суд продлить на три месяца срок содержания Платона Лебедева под стражей. Вообще-то этот срок истек бы только 26 сентября, но прокуратуре отчего-то не терпелось получить санкцию. Свое ходатайство прокурор традиционно мотивировал тем, что: а) Лебедев в течение длительного времени совершал преступления в составе организованной группировки, некоторые участники которой скрылись; б) Лебедев имеет международные связи и в) оказавшись на свободе, сможет воздействовать на свидетелей. К тому же защита «продемонстрировала намерение затянуть процесс», обращаясь к «лицам, проживающим в Соединенном Королевстве», для получения заключений

о состоянии здоровья. Обращение к британским медикам отнюдь не случайно: оно свидетельствует, по мнению Дмитрия Шохина, о желании подсудимого скрыться.

Лебедев попросил суд отложить рассмотрение этого ходатайства. Ведь до истечения срока заключения под стражу остается более двух недель, «в течение которых могут измениться реальные обстоятельства и реальные факты для рассмотрения по существу вопроса о содержании под стражей». Например, за это время гособвинитель сможет допросить тех свидетелей, по поводу показаний которых он беспокоится.

Дмитрий Шохин напомнил, что гособвинитель здесь он и может заявлять ходатайства когда угодно, в том числе и в устной форме.

Слово взяли адвокаты. Елена Липцер попыталась возразить, что если кто-то и пытался скрыться, то не Лебедев: он аккуратно являлся на допросы в Генпрокуратуру.

Константин Ривкин напомнил, что прокурор так и не представил доказательств необходимости содержания Лебедева под стражей, несмотря на обещания, что «доказательства посыпятся как из рога изобилия». А свидетели, фамилии которых перечислил прокурор, входят в число свидетелей защиты, поэтому странно полагать, что Лебедев станет оказывать на них давление.

Судьи удалились для подготовки решения в совещательную комнату. Вернулись с опозданием на час и постановили: согласиться с доводами гособвинителя.

Генеральная прокуратура в очередной раз попробовала Мещанский суд на прочность. Суд уступил. Констатировав, что прокуратуре позволено все, журналисты и зрители разошлись.

В семье гособвинителей пополнение: теперь там два прокурора, но и это Генпрокуратуре не помогло. Из более чем ста обещанных свидетелей допрошены около тридцати — до сих пор ни один из них не испортил репутацию подсудимых. В пятницу **17 сентября** суд допросил заместителя председателя Российского фонда федерального имущества (РФФИ) Тенгиза Хахву. Речь шла о ситуации, сложившейся вокруг пакета акций ОАО «Апатит». Свидетель рассказал о переписке между РФФИ и Генпрокуратурой еще до возбуждения уголовного дела. Свидетель признался, что фонд просил Генпрокуратуру «лишь о помощи» в возвращении акций «Апатита» государству. А отзывчивые следователи возбуждали целое уголовное дело...

Михаил Ходорковский поинтересовался, а был ли государству вред. «Государство опосредованно могло понести ущерб, — ответил свидетель. — Если бы акции были возвращены, оно могло бы получать дивиденды». Дмитрий Шохина не устроил ответ свидетеля. Он спросил, в состоянии ли были специалисты РФФИ оценить ущерб. «Не могли они оценить», — ответил тот. Кстати, выплаченная «ЮКОСом» по мировому соглашению с РФФИ сумма компенсации за акции составила более 15 млн долларов, то есть в четыре раза больше предполагаемого ущерба.

«Свидетель сказал, что никакого реального ущерба от невозврата акций не было, и говорил лишь об упущенной выгоде, а это не является уголовно наказуемым деянием», — заявил журналистам Генрих Падва. Прокуратуре по-прежнему не дает покоя история приватизации «Апатита»: некоторые свидетели были вызваны, чтобы рассказать именно об этом. Бессмыслица — срок давности уголовного дела по этому эпизоду уже истек. Зато выясняется много интересного о деятельности Генпрокуратуры. Например, то, что следователи в нарушение закона продолжают что-то «дорабатывать», хотя судебное разбирательство в самом разгаре.

В начале недели Генрих Падва заявил журналистам, что свидетеля Олега Хвостикова продолжают допрашивать в Генпрокуратуре. Падва подчеркнул, что защита уже не раз обращала внимание на подобные незаконные действия со стороны обвинения. Например, свидетель Любовь Антипина уже давала показания в суде по эпизоду, связанному с обвинением в передаче средств компаниям, подконтрольным Владимиру Гусинскому, а 22 сентября она заявила, что несколькими днями ранее следователь Генпрокуратуры допрашивал ее по поводу приватизации «Апатита».

В понедельник **20 сентября** суд допросил бывшего экономиста отдела кредитования инвестиционного управления «МЕНАТЕПА» Олега Хвостикова. Дискуссия между защитой и обвинением свелась к вопросу, имел ли право «МЕНАТЕП» оказывать услуги клиентам. Лебедев заявил, что организационные и консультационные услуги входили в перечень, предусмотренный лицензией Центрального банка.

В среду **22 сентября** в суд были вызваны сотрудники налоговых органов Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа. Они давали показания по эпизодам, связанным с обвинениями в уклонении от уплаты налогов. По мнению Генпрокуратуры, «ЮКОС» виновен в том, что платил налоги и сборы векселями, а не денежными средствами. Защита предъявила суду совместное письмо МНС и Минфина от 29 декабря 1999 года, которым позволялось зачислять налоги за 1999 год векселями «в условиях переходного периода, связанного со вступлением в законную силу нового Налогового кодекса».

В пятницу **24 сентября** защитник Ходорковского Антон Дрель прокомментировал ход процесса: «Пока ни защита, ни, надеюсь, суд не услышали ничего не то чтобы обвинительного, но и порочащего как Михаила Ходорковского, так и Платона Лебедева».

По мнению адвоката, процесс может продлиться до конца года: после свидетелей обвинения суд должен выслушать более 60 человек со стороны защиты.

ОКТАБРЬ

Свидетель, вы понимаете мой вопрос, или Второе явление «Апатита»

1 октября Михаил Ходорковский предложил суду обратить внимание на недавний аукцион по продаже пакета акций «ЛУКОЙЛа». По официальной информации, компанию СопосоPhillips представляла на конкурсе офшорная фирма с номинальным директором. И другие участники аукциона были номинальными. Таким образом, все, что обсуждается в суде по делу «ЮКОСа», является нормальной деловой практикой, о чем и заявил подсудимый. Суд внимательно выслушал Ходорковского («У вас всё?») — и принялся допрашивать свидетелей.

Сначала на вопросы отвечал Андрей Липатников из «Инвестпроекта» (с помощью этой фирмы в 2002 году руководство «ЮКОСа» якобы незаконно получило 24 133 042 рубля). После допросили Георгия Потапова, который предложил дворнику Сергею Варкентину возглавить «Инвестпроект». В результате — никакого компромата.

4 октября в Мещанском суде был допрошен Сергей Абрамов. Он пришел со своим адвокатом, чем вызвал интерес. Абрамов был заместителем председателя правления банка «МЕНАТЕП», а в 1994 году на инвестицион-

ном конкурсе по продаже акций «Апатита» представлял компанию «Интермединвест».

Обвинение заинтересовалось у свидетеля, не получал ли тот указания непосредственно от обвиняемых. Сергей Абрамов сказал, что для него «МЕНАТЕП», разумеется, «связан с именем Ходорковского», но это ничего не значит: «Путин тоже возглавляет страну, но это же не значит, что он принимает решения за Думу и так далее».

Прокурор Дмитрий Шохин вступил: «Это очень сложно, пожалуйста, отвечайте на вопрос точнее!». И традиционно усмотрел противоречия в показаниях Абрамова, чтобы заняться любимым делом — зачитать протокол. И, как всегда, присутствующие не заметили разночтений. После этого адвокат Абрамова заявил, что только что прочитанный протокол «незаконен», поскольку расшифровка аудиокассеты производилась без участия Абрамова и без понятых, к тому же текст оказался скорректированным. Однако судей это не смутило. Во вторник **5 октября** суд допросил Александра Зверева. Он в 1993—1996 годах работал с Ходорковским, Лебедевым и Крайновым, будучи директором консалтинговой фирмы «Правус». По мнению Генпрокуратуры, фирма была создана для учреждения подставных компаний, но свидетель уверяет, что узнал о «закулисной стороне» своей деятельности только от следователей. Зверев рассказал, что в 1994 году его избрали в совет директоров «Апатита» вместе с Андреем Крайновым и что приглашать сотрудников «МЕНАТЕПа» на должности номинальных директоров предложил именно он. Другая «исключительно ценная информация», сообщенная свидетелем, заключается в том, что Михаил Ходорковский был связан с руководством «МЕНАТЕПа». Услышав об этом, обвинители обрадовались. Однако опять попросили зачитать протоколы. Заметим, что чтение протоколов пока не помогает прокуратуре получить нужные показания, но существенно затягивает допрос свидетелей. Не к этому ли стремится сторона обвинения?

Адвокат Константин Ривкин в конце рабочего дня заметил: «Для обвинения являются новшеством такие факты, как существование бухгалтерского или секретарского обслуживания, обвинение не знает о том, что иногда людям приходится работать бесплатно. А вопросы обвинения такого плана, как, например, «Что такое дефолт?» — вызывают по меньшей мере удивление».

В тот день в Мещанском суде несколько раз выключался свет. По коридорам бегал председатель Александр Лукашенко: призывал выключить компьютеры, чтобы снять нагрузку с электросети. Потом выяснилось, что дело не в компьютерах, а в обогревателях: всем было холодно.

В понедельник **25 октября** исполнился год с момента ареста Михаила Ходорковского. По этому поводу дюжина молодых людей устроила пикет напротив здания суда на Каланчевской улице. Люди мерзли, украшенные бантами геральдических цветов «ЮКОСа», с плакатами в руках: «Свобода новой России начнется со свободы Ходорковского и Лебедева». Между тем суд допросил четырех человек.

Суд идет размеренно: свидетели проходят, не оставляя доказательств вины подсудимых. Вялые допросы перемежаются диспутами между адвокатами и обвинением. Стороны выясняют, например, где находится остров Мэн. Прокурор Дмитрий Шохин по-прежнему часто восклицает: «Свидетель, вы понимаете мой вопрос?!».

Свидетель Коротков (бывший работник банка «МЕНАТЕП») сообщил, например, что в апреле 2004 года его вызывали в Генпрокуратуру на допрос, то есть тогда, когда расследование уже было закончено, а дело передано в суд. Что абсолютно незаконно.

В четверг **28 октября** допросили бывшего исполнительного директора совместного российско-швейцарского предприятия «Рашн траст энд трейд» Гитаса Анилиониса. Свидетель пришел с охраной, чем вызвал некоторый интерес.

Генпрокуратура полагает, что это совместное предприятие было базой для создания «преступной группы Ходорковского—Лебедева» и использовалось для махинаций с подставными фирмами и акциями приватизируемых предприятий. Анилионис, однако, заявил, что подсудимые «практически не оказывали» влияния на работу «Рашн траст энд трейд».

Свидетель был немногословен, и гособвинители попросили у суда возможности прочитать вслух протоколы, чем в течение двух часов и занимали присутствовавших. Зал оживился: следователь Каримов вопросы свидетелю формулировал затейливо:

— Почему Тарахненко не стал Александяном? (*Сергей Тарахненко — один из юристов «МЕНАТЕПа», а Василий Александян — это начальник юридического управления НК «ЮКОС», он представляет интересы Лебедева в этом процессе. — И.К.*). Или, например:

— Кто в «ЮКОСе» исполнял функции держателя ключей?

Во время чтения выяснилось, что номера страниц не совпадают с имеющейся у адвокатов копией дела, в связи с чем Генрих Падва сделал вывод: после изучения защиты материалов дела Генпрокуратура внесла в документы изменения.

ЭПИЛОГ

2 ноября Дмитрий Шохин неожиданно заявил, что представленных им доказательств вполне достаточно для вынесения приговора. Поэтому следует, не тратя времени на исследование доказательств защиты, приступить к прениям. Но адвокаты предпочли изложить суду свою точку зрения. В Мещанском суде сторона защиты начала предъявлять доказательства невиновности Михаила Ходорковского и Платона Лебедева.

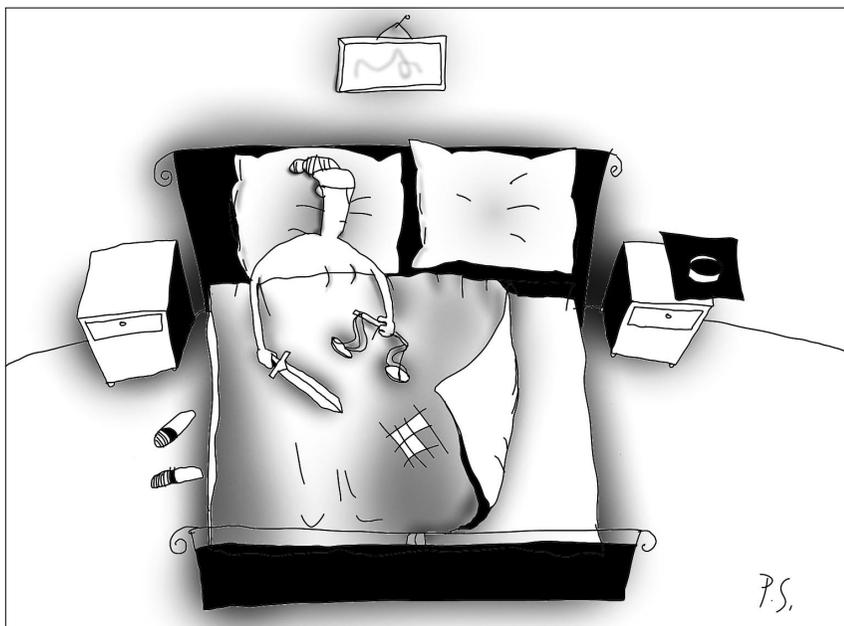
К рассмотрению дела, напомним, суд приступил в июне. За прошедшие месяцы судьи восприняли на слух большое количество документов (в исполнении прокурора Дмитрия Шохина) и допросили около восьмидесяти свидетелей. Темп жизни в Мещанском суде почти отбил у журналистов охоту присутствовать на процессе. Кстати, туда не всегда можно попасть, потому что приставов порой одолевает иррациональное недоверие к представителям СМИ.

ПОСЛЕСЛОВИЕ ОТ АВТОРА

В конце 2004 года на сцену вышли адвокаты. О том, что происходило в здании Мещанского суда в оставшееся до оглашения обвинения время, мы расскажем в томе втором.

А в томе третьем — о том, чем сопровождался самый громкий уголовный процесс 2004—2005 годов. Беспрецедентная кампания по развалу крупнейшей и самой прозрачной бизнес-структуры страны: абсурдные арбитражные суды, нарушавшие законы так, как будто их не существует; международные скандалы с продажей главного актива «ЮКОСа» — «Юганскнефтегаза»; уголовный процесс в Мосгорсуде против менеджера компании Алексея Пичугина; аресты и допросы юристов и адвокатов; дополнительные обвинения, выдвинутые Ходорковскому... И, судя по всему, этот список будет продолжен.

Январь 2005 г.

ДОКЛАД ПАСЕ

Обстоятельства, сопровождающие арест и судебное преследование ведущих менеджеров «ЮКОСа».

Предварительный вариант доклада

Комитет по юридическим вопросам и правам человека
Докладчик: Сабина Лотхойзер-Шнарренбергер (Германия, LDR)

I. Проект резолюции

1. Парламентская ассамблея, подтверждая свою приверженность верховенству закона как одной из основных ценностей Совета Европы, обеспокоена недостатками судебной системы РФ, которые обнаружились в ходе дел нескольких бывших менеджеров «ЮКОСа».

2. Верховенство закона требует беспристрастного и объективного функционирования судов и прокуратуры, свободных от чрезмерного влияния со стороны других ветвей правительства, и строгого соответствия процедурных положений, гарантирующих права обвиняемых.

3. Верховенство закона подразумевает равенство всех перед законом, несмотря на богатство или власть.

4. Право на справедливый суд, гарантированное статьей 6 Европейской конвенции по правам человека (European Convention on Human Rights — ECHR), включает в себя право на справедливые и публичные слушания независимым и беспристрастным судом, учрежденным в соответствии с законом, презумпцию невиновности и соответствующие время и условия для подготовки защиты. Справедливый суд требует уважения к правам защиты, преимущественному праву отношений между адвокатом и клиентом и равенства между сторонами защиты и обвинения.

5. Публичный характер юридических процедур, гарантированный статьей 6 ECHR, является важным элементом справедливого суда не только в интересах обвиняемых, но и в интересах общественности в целом для поддержания ее веры в правильную работу судебной системы.

6. Ассамблея особенно подчеркивает важность независимости судебной системы и независимого статуса судей и сожалеет о том, что судебные реформы, проводимые в России в декабре 2001-го и марте 2002 года, не способствовали улучшению защиты судей от влияния власти, а сделали их более уязвимыми. Последние исследования и наиболее публичные дела показали, что суды по-прежнему в высшей степени восприимчивы к чрезмерному влиянию. Особую озабоченность ассамблеи вызывают новые предложения по увеличению влияния администрации президента на Квалификационную комиссию судей.

7. Факты, указывающие на серьезные процедурные нарушения, допущенные различными правоохранительными агентствами в отношении бывших менеджеров «ЮКОСа» — г-на Ходорковского, г-на Лебедева и г-на Пичугина, были подтверждены во время визитов по установлению фактов, хотя некоторые утверждения были преувеличены командой защитников. В соотношении полученные данные ставят под вопрос справедливость, беспристрастность и объективность власти, которая, как выяснилось, допускала чрезмерные действия по отношению к фундаментальному праву на защиту, гарантированному российским Уголовно-процессуальным кодексом и Европейской конвенцией по правам человека.

8. Ниже перечислены наиболее серьезные нарушения:

i. несмотря на особые просьбы со стороны защитников, вовремя не были проведены освидетельствования г-на Пичугина на предмет применения к нему психотропных средств воздействия; г-н Пичугин также содержался в следственном изоляторе «Лефортово», который находится не под юрисдикцией Министерства юстиции, а под прямым контролем ФСБ, несмотря на особые обязательства, которые взяла на себя РФ, вступив в Совет Европы;

ii. нарушения в вопросах медицинского внимания к находящемуся в тюрьме г-ну Лебедеву: перед лицом серьезной обеспокоенности ухудшающимся состоянием здоровья г-на Лебедева тюремная администрация пока отказывается проводить обследование г-на Лебедева независимыми докторами, несмотря на многочисленные просьбы;

iii. задержки в получении разрешения прокурора не дали возможности адвокатам вступить в контакт со своими клиентами в особенно критический момент — после их ареста, усложняя для адвокатов ситуацию с построением защиты; судебная реформа, отменяющая требования о преждевременном получении адвокатом разрешения у прокурора на посещение своего клиента в тюрьме, не была применена на практике, по крайней мере в случаях с бывшими менеджерами «ЮКОСа»;

iv. отказ в доступе адвокатам защиты г-на Лебедева в зал заседаний во время слушаний, посвященных вопросу досудебного заключения;

v. обыск и изъятие документов в офисах адвокатов, вызов адвокатов на допрос по делам их клиентов, предполагаемое прослушивание адвокатов защиты: обвинению нельзя позволять нарушать отношения клиента и подзащитного путем манипуляций с номерами уголовных дел, в особенности если дела так тесно связаны между собой, как уголовные дела против Ходорковского, Лебедева и Пичугина, а также налоговые дела в отношении «ЮКОСа» и его дочерних предприятий;

vi. неоправданные ущемления гласности и открытости некоторых судебных слушаний: общественность имела крайне ограниченный доступ на некоторые слушания, которые были заявлены как открытые, в то время как некоторые слушания проводились и проводятся за закрытыми дверями. В частности, все слушания по делу г-на Пичугина проводились в обстановке секретности, несмотря на то что только малая часть документов по делу была квалифицирована как «секретная»; его адвокатам

было строжайшим образом запрещено обсуждать ход дела на публике, и даже основания для вынесения приговора могут быть засекречены;

vii. отказ от освобождения под залог (в особенности это касается г-на Ходорковского): г-н Ходорковский был заключен в СИЗО через несколько месяцев после ареста г-на Лебедева по аналогичным обвинениям, который СМИ истолковали как «предупреждение» г-ну Ходорковскому. Поведение г-на Ходорковского показало, что никакого риска, что он уклонится от дачи показаний или вмешается в ход следствия, не было. По завершении предварительного следствия г-да Ходорковский и Лебедев были помещены в СИЗО, что дает дополнительный повод для обсуждения в свете решений Европейского суда по правам человека по делам «Калашников против России» и «Летелье против Франции». Также в соответствии с недавней законодательной реформой люди, обвиняемые в ненасильственных «экономических преступлениях», в которых обвиняют г-на Ходорковского, обычно не помещаются в СИЗО;

viii. другие нарушения закона на судебном процессе против г-на Ходорковского, г-на Лебедева и г-на Пичугина: суд систематически позволял прокурору зачитывать протоколы предварительных допросов свидетелей и оказывать давление на свидетелей в зале суда, чтобы они подтвердили эти протоколы. Это подрывало действенность права защиты на допрос свидетелей со стороны обвинения, чьи предварительные показания обычно недоступны. Защитники также были лишены возможности обмениваться записями с обвиняемыми в СИЗО и в зале суда. Они могли передавать друг другу записи только после того, как с этими материалами ознакомится суд.

9. Ассамблея отмечает, что обстоятельства ареста и суда над руководителями «ЮКОСа» явно демонстрируют факт нарушения принципа верховенства закона и избирательного применения властями законов в отношении данных менеджеров в нарушение принципа равенства всех перед законом.

10. В частности, злоупотребление схемами минимизации налогов, в котором обвиняют «ЮКОС», практиковалось и другими нефтяными и сырьевыми компаниями, работавшими в России, которые не подверглись схожему переначислению налогов или их силовому изъятию и чьи руководители не подверглись уголовному преследованию. Несмотря на то что изменения закона в 2004 году закрыли эту якобы имевшуюся «лазейку», действия, которые вменяются в вину, относятся к 2000 году, а судебное преследование, носящее ретроспективный характер, началось в 2003 году.

11. Акция устрашения со стороны силовых органов против «ЮКОСа», его деловых партнеров и организаций, связанных с г-ном Ходорковским и его коллегами, соединяясь с тщательной PR-подготовкой этой акции, производит впечатление спланированной атаки со стороны государства.

12. Уголовное преследование лиц, использовавших возможности, предоставляемые законом, который существовал на момент совершения инкриминируемых действий, на основании измененного задним чис-

лом налогового законодательства нарушает самым серьезным образом принцип *nullum crimen, nulla poena sine lege* (не может быть наказания за нарушение несуществовавшего закона), записанный в статье 7 Европейской конвенции по правам человека, а также право на защиту имущества, записанное в статье 1 первого протокола к ECHR.

13. Исходя из вышеизложенного (параграфы 8—12), ассамблея полагает, что обстоятельства ареста и судебного процесса над руководителями «ЮКОСа» позволяют сделать вывод, что вовлеченность государства в эти дела выходит далеко за рамки исполнения уголовного судопроизводства, а имеет целью, в том числе, ослабление открыто выражавшего свое мнение политического оппонента, запугивание других состоятельных лиц и возвращение себе контроля над стратегическими экономическими активами.

14. Ассамблея признает право и даже обязанность правоохранительных органов привлекать к ответственности людей, совершивших уголовное преступление. Она также признает законное право избранного политического руководства страны преследовать свои политические цели, в том числе и в экономической сфере. Тем не менее она категорически против использования правоприменительных процедур для таких целей. В данном случае мы ссылаемся на решение Европейского суда по правам человека от 19 мая 2004 года по делу Гусинского, в котором суд постановил, что задержание основателя НТВ Гусинского нарушило статью 5 Европейской конвенции по правам человека, поскольку было установлено, что заключение истца под стражу имело целью заставить его продать принадлежавший ему пакет акций НТВ «Газпрому».

15. Поэтому ассамблея в общих чертах:

i. обращается к российским властям с требованием неукоснительно следовать закону и осуществлять реформу юридической и судебной системы и правоохранительных органов в рамках усиления верховенства закона и защиты прав человека и продолжать сотрудничать с Советом Европы в рамках текущих программ;

ii. поддерживать суды с целью обеспечения их независимости от исполнительных властей в оценке вины или невиновности всех обвиняемых, используя закон в согласованности с Европейской конвенцией по правам человека;

iii. призывает официальных лиц, ответственных за работу СИЗО, не препятствовать доступу адвокатов к своим клиентам, находящимся в заключении, по причинам, не записанным в законе, особенно это касается получения предварительного разрешения или санкции государственного обвинителя. А также обеспечивать условия для применения фактических прав на защиту людей, находящихся в заключении, включая уважение к преимущественному праву общения между адвокатами и их клиентами;

iv. требует, в рамках ранее взятых РФ обязательств, от соответствующих официальных лиц обеспечить передачу всех центров предварительного заключения, включая «Лефортово», под юрисдикцию Министерства юстиции.

16. Касаясь отдельно дел бывших ведущих менеджеров «ЮКОСа», ассамблея:

i. требует от исполнительной власти РФ гарантировать полную независимость судебных процедур в отношении ведущих менеджеров «ЮКОСа» от любой попытки давления и принять меры, чтобы пресечь такие попытки;

ii. требует от государственных обвинителей выполнять свою работу в рамках этих процедур профессионально, непредвзято и объективно, уважая букву и дух процедур, касающихся защиты обвиняемых, записанных в российском Уголовно-процессуальном кодексе и Европейской конвенции по правам человека <...>;

iii. обращается к судам с требованием обеспечить беспрепятственный доступ общественности к судебным слушаниям по делам ведущих менеджеров «ЮКОСа»;

iv. требует от соответствующих официальных лиц гарантировать, чтобы судебные слушания по делу г-на Пичугина проходили в закрытом режиме только в той части, которая непосредственно касается информации, необходимой к засекречиванию по закону, принимая во внимание важность, предписываемую принципом Европейской конвенции по правам человека об открытости судебных слушаний;

v. требует от соответствующих официальных лиц немедленно позволить провести независимое медицинское обследование состояния здоровья г-на Лебедева.

II. Проект рекомендаций

1. Парламентская ассамблея, ссылаясь на свою резолюцию... (2004), в общих чертах рекомендует Комитету министров:

i. продолжать предлагать РФ сотрудничать с Советом Европы в подготовке и внедрении реформ в юридической и судебной системах, а также в правоохранительных органах, особенно с целью усиления эффективности, независимости и прозрачности судов и судебных процедур, особенно в области разделения дел между судьями отдельно взятого суда (принцип судей, определенный законом);

ii. оценить меру достигнутого прогресса в рамках прошлого и настоящего взаимодействия и сотрудничества в области судебной реформы и проинформировать ассамблею о результатах этой оценки и о том, требуются ли еще какие-то доработки для получения лучших результатов;

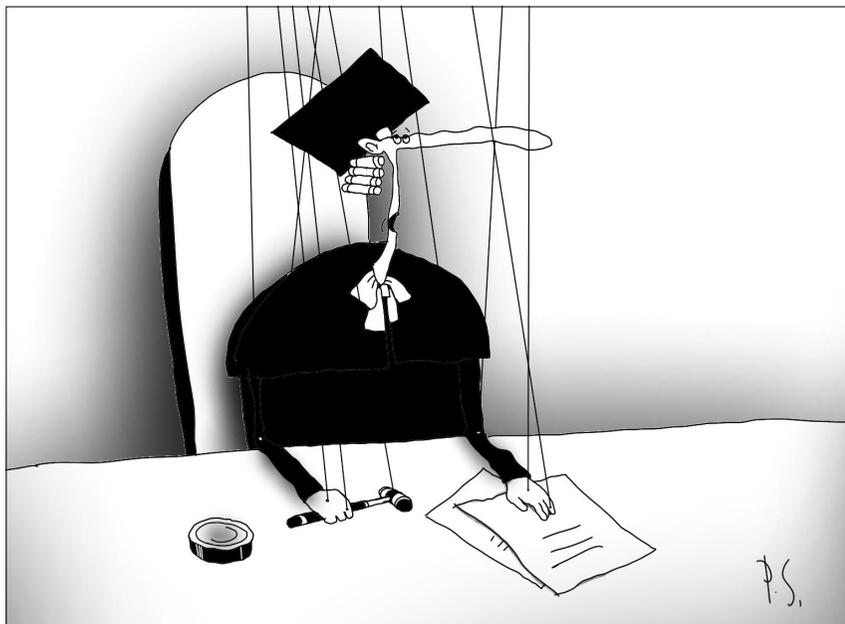
iii. в рамках ранее взятых обязательств требовать от РФ обеспечить передачу всех СИЗО, включая «Лефортово», под юрисдикцию Министерства юстиции и обеспечить их открытость для посещения представителями Парламентской ассамблеи по запросам.

2. Касаясь отдельно дел ведущих менеджеров «ЮКОСа», Парламентская ассамблея рекомендует Комитету министров:

i. напомнить российским властям о важности принципа открытости судебных слушаний и попросить их обеспечить то, чтобы исключения в соблюдении этого принципа в деле Пичугина были сведены до минимума в соответствии со статьей 6 параграфа 1 Европейской конвенции по правам человека;

ii. напомнить российским властям о важности принципа, согласно которому содержание под стражей является исключительной мерой, и требовать, чтобы этот принцип был применен в деле г-на Ходорковского;

iii. требовать от российских властей немедленно позволить провести независимое медицинское обследование состояния здоровья г-на Лебедева.

Игорь КОВАЛЕВСКИЙ

**«Быль о правах»
Дело «ЮКОСа». Том 1
«Процесс над Михаилом Ходорковским,
Платоном Лебедевым и Андреем Крайновым.
Москва. Мещанский суд.
Часть первая: май—ноябрь 2004 года»**

Художник П. Саруханов

Изготовитель ООО «Публичная репутация»
119019, Москва, Нащекинский пер., д.6

Отпечатано в ГУП ИПК «Московская правда»,
101990, Москва, Потаповский пер., д. 3

Тираж 3000 экз.
Заказ № 078